

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[РУИГАТ
РОЖДЕНИЕ]

Руигат

Роман ЗЛОТНИКОВ

Руигат. Рождение

«Автор»

2011

Злотников Р. В.

Руигат. Рождение / Р. В. Злотников — «Автор», 2011 — (Руигат)

Сколько людей нужно, чтобы изменить судьбу целой цивилизации? Что такое насилие – пережиток темного прошлого или важный ресурс, без которого человечеству не обойтись? Могут ли смертельные враги, воины отчаянно сражающихся армий, перестать быть врагами? Есть ли среди этих вопросов хоть один, который волнует и вас? Если есть – читайте первую книгу нового фантастического цикла Романа Злотникова «Руигат».

© Злотников Р. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Роман Злотников Руигат. Рождение

Уважаемый Адресс!

Уважаемые болельщики —
и наши организаторы!

Р. Злотников.

Пролог

«Ковш» еще не остановился окончательно, а Ши Ориентал уже упруго выпрыгнул из него и огляделся. Да, здесь ничего не изменилось. Широкая мраморная лестница, взбегавшая от весьма небольшой парковки для «ковшей» (Учитель не очень любил, когда его тревожили посетители), выводила на просторную, отделанную ониксом и пластолитолем террасу, на которой росли десятки деревьев, причудливо сплетались ветвями, образуя над каменной площадкой живой, трепещущий, но от этого служащий не менее надежной защитой от дождя и ярких лучей светила полог. Ориентал прикрыл глаза и втянул носом воздух. Да, все так же – ноздри почувствовали запахи онулы и лиоллы, разбавленные горьковатыми тонами имели и едва заметным сладковатым дурманом шои... Запах гармонии, запах спокойствия, запах мудрости, запах, сразу показывающий любому приблизившемуся к этой иуэле, что он вступает в место обитания одного из величайших умов современности. И Ши внезапно снова почувствовал себя юным учеником, только что сдавшим экзамены на третью ступень Самостоятельного и рискнувшим отправить Просьбу самому Алому Бенолю, титану научной мысли Киолы, который уже лет двадцать отказывается брать Ученика и вообще исповедует замкнутый тип общения с обществом. Впрочем, для девяти Цветных это было не столь уж необычно. Кроме Алого, так же вели себя еще трое. При том объеме Общественной благодарности, какой находился в распоряжении каждого из Цветных, все необходимое им – приборы, агрегаты и даже материалы сопутствующих исследований – можно было заказывать на стороне. Так что острой потребности в формировании собственного большого исследовательского коллектива ни один из Цветных не испытывал. И наличие либо отсутствие такового было личным выбором каждого, отражением его внутренних запросов. Четверо, в том числе и Алый Беноль, предпочитали творить в одиночестве.

– Ученик... я на морской террасе, – прошелестел в воздухе голос Учителя. Ну да, деревья террасы уже сообщили ему все о том, кто решился нарушить столь любимое им уединение. Все, в том числе и то, в каком психологическом состоянии пребывает посетитель. Ши даже во времена ученичества не тешил себя иллюзией относительно того, что в иуэле Алого Беноля растут обычные, никак не модифицированные деревья.

Ориентал радостно улыбнулся и упругим шагом двинулся вверх по ступеням.

Расположение залов и лабораторий иуэлы, которую построил для Алого Беноля один из величайших архитекторов современной Киолы Таой Ауэл, Ориентал знал наизусть. Ну еще бы, он провел здесь десять лет. Счастливейших лет. Поэтому до морской террасы добрался быстро.

Иуэла Учителя находилась на скале над Термическим заливом Савиэнского моря – с морской террасы открывался захватывающий вид на морской простор. Ши притормозил, впитал взглядом давно не виданную, но такую знакомую картину – море, облака, Две Подружки (так назывались две близко расположенные скалы, соприкасавшиеся верхушками, отчего они казались двумя девушками, склонившими друг к другу головки, чтобы посекретничать), а затем ступил на лазуритовую мозаику террасы.

Учитель сидел на своем любимом месте – широком ложе из пурпурного квириана, твердая каменная основа которого, как помнил Ориентал, была покрыта теплым отростком ковеоля того же пурпурного цвета. У него самого был такой же, правда, не пурпурный, а желто-оранжевый. Эти псевдоживые конструкции, а скорее даже создания-эмпаты, способны были не только поддерживать мозаичную температуру своей поверхности, подогревая или, наоборот, охлаждая разные ее фрагменты, соприкасающиеся с разными частями тела, но и с помощью ворса осуществлять вентиляцию нужных участков кожи и легкий массаж. Поэтому их использовали все, кто завел себе собственное жилище. Но ковеолю Учителя было уже более сорока лет, и за это время он не только изучил малейшие оттенки желаний хозяина, а также его самых близких

и частых гостей (хотя в отношении гостей Алого Беноля слово «частых» звучало диссонансом), но и пронизал всю иуэлу тысячами отростков. Так что в любом, даже самом дальнем уголке иуэлы всегда можно было рассчитывать на его теплую заботу... С обеих сторон лежа склоняли ветви два роскошных лиолля.

Ши подошел поближе и остановился, ожидая, пока Учитель обратит на него внимание.

– Присядь, Ученик, – тихо сказал Беноль, и Ши осторожно опустился на край ковеоля, который тут же зашевелился под ним, подгоняя свою толщину, конфигурацию, температуру, степень мягкости и упругости под новый объект.

Учитель некоторое время молчал. Похоже, Ши прибыл в самом конце сеанса медитации. Большинство обычно совершают ее либо рано утром, либо поздно вечером, но, возможно, Учитель размышлял над какой-то трудной и важной проблемой, вследствие чего ему потребовалось подпитать себя дополнительной энергией в середине дня. Судя по тому, что Учитель почти сразу отреагировал на появление гостя, Беноль уже вышел из состояния полной концентрации, но его неподвижность и отстраненность позволяли предположить, что его дух и сознание еще не окончательно покинули океан сияющего луэ и он пока не полностью вернулся в «твердый» мир. При таких условиях начинать разговор не было смысла, и Ши оставалось лишь сидеть, любуясь окружающей его гармонией и ожидая, когда Учитель наконец соизволит обратиться к нему. То, что Алый Беноль не только впустил его в иуэлу до полного выхода из состояния медитации, но и позволил ему войти в место медитации, да еще и присесть рядом, наполнило сердце Ши радостью и гордостью. Ибо это означало, что Учитель по-прежнему считает его, Ученика, уже двадцать лет как ушедшего из этого дома и начавшего выстраивать самостоятельную жизнь, частью своей гармонии. В принципе Ши в этом не сомневался. Он любил Учителя и знал, что Алый Беноль так же любит и его. Но получить еще одно, да столь явное и в то же время очень личное подтверждение этому знанию было очень волнительно и приятно...

Наконец Учитель пошевелился и повернулся к Ши:

– Рад тебя видеть, Ученик. Что послужило причиной моей нечаянной радости и привело тебя ко мне?

Оиентал склонил голову в скромном, но исполненном истинного счастья и бесконечной благодарности поклоне:

– Я думал, что еду к тебе по делу, имеющему отношение к будущему Решению, Учитель, но теперь понял, что истинной причиной моего прибытия является то, что я... очень соскучился.

– Ну да, – лукаво усмехнулся Беноль, – за четыре то года можно было.

Ши слегка покраснел: действительно, в последний раз он посещал иуэлу Учителя четыре долгих года назад. А затем рассмеялся: Учитель был в своем репертуаре, никогда не упускал повода поддеть.

– Пойдем, – внезапно произнес Беноль, одним плавным движением поднимаясь на ноги.

Ши знал, что в молодости Учитель был известным танцовщиком, да и в те годы, когда Ши был его Учеником, Алый Беноль не оставил окончательно это занятие. Не было оснований думать, что изменилось что-то и сейчас. К тому же он знал: две из трех постоянных Возлюбленных Учителя также занимались танцами. Хотя сказать «занимались» о Исиле Лагенок, одной из самых талантливых танцовщиц современности, было бы верхом несправедливости. Да и в требованиях к Соискательницам, кои были заявлены в профиле Учителя на его портале, занятия танцами указывались в числе приоритетных. Ши и сам любил танцы, хотя в развитии телесного луча своей личности отдавал предпочтение водным видам. Он вообще любил воду. И потому морская терраса иуэлы Алого Беноля была и его любимым местом.

Они спустились на два уровня и вышли в Сад. Ши радостно рассмеялся: Учитель был стоек в своих привычках, поэтому на знакомом столике из цельного кристалла топаза их уже ждали две чашки крепкого, ароматного плое и тарелка с тонким, хрустящим миндальным пече-

нием – оно рассыпается в пальцах, стоит только чуть сильнее сжать в руках его невесомую, почти прозрачную пластинку. Учитель добродушно усмехнулся. О том, что его Ученик способен поглощать это печенье, изготовленное сервисом иуэлы, коробками и мешками, ему было известно.

– Клянусь, Учитель, – с чувством произнес Ши, усаживаясь на очередной отросток ковеоля, уже предупредительно развернувшийся на сиденье легкого стула рядом с кристаллом топаза, – я никогда и нигде не ел миндального печенья вкуснее, чем у тебя.

Беноль промолчал, но в глазах у него сверкнула искорка удовольствия.

Они не торопясь отведали плое. Традиции повелевали пить его в молчании, наслаждаясь цветом, вкусом, ароматом напитка, подаренного людям древними богами, чтобы те могли ощутить хотя бы тень Божественной Благодати, а также возможностью разделить все это с дорогим сердцу человеком. Ибо плое можно было пить только вместе с кем-то близким. На все остальные случаи были другие напитки, от кавы до растворов алкалоидов. Но плое...

– Итак, – негромко начал Учитель, ставя на поверхность кристалла опустевшую чашку, – ты желал меня видеть. Я рад. Но, как я понял, ты исполняешь не только твое личное желание, но и некое поручение Симпоисы.

Ши, уже допивший свой плое и просто вертевший в руках тончайшую чашку, любясь изяществом формы, глубиной цвета и законченностью рисунка, тоже поставил ее на топазовый столик и поднял на Учителя ясный взгляд глубоко посаженных ярко-синих глаз. Он знал, что красив, что талантлив, что силен и неутомим в любви, и потому у него никогда не было отбоя от Соискательниц, поскольку он предпочитал свободные отношения постоянным привязанностям. Хотя в последние пять лет Оиентал несколько остепенился и даровал постоянство Даэле Амбол, звезде телесных картин на воде, с коей познакомился как раз вследствие своего увлечения водными видами развития тела. За прошедший год они отдали друг другу не менее половины того времени, которое каждый из них сумел уделить Любви. Но вся красота и талант Ши меркли перед человеком, сидящим перед ним. Алый Беноль. Один из девяти Цветных, величайших ученых, коим общество Киолы даровало высшую долю Общественной благодарности, которую может получить человек. Даже если бы Алый Беноль решил устроить себе иуэлу, ничуть не уступающую этой – с ее террасами, садами, лужайками, водопадами и фонтанами, – где-нибудь на астероиде, благодарное общество предоставило бы ему возможность сделать это... Впрочем, нет, на астероиде ничего бы не вышло. Но причиной тому была бы отнюдь не скупость жителей Киолы или ее управителей...

– Да, Учитель! – почтительно кивнул Ши.

– И что им надо?

Ши ответил вопросом на вопрос – не сразу, а после короткой паузы, как будто спрашивать об этом Учителя ему было несколько неудобно:

– В курсе ли ты Большой дискуссии, которую ведет Киола?

Беноль молча склонил голову в знак согласия. И то, что Учитель предпочел выразить свое мнение так, жестом, заставило сердце Ши забиться слегка тревожно. Человек живет в гармонии, и любое его движение или слово, равно как и их отсутствие, могут многое сказать опытному взгляду и уху. Большинство жителей Киолы, правда, предпочитали более сосредотачиваться на выстраивании собственных гармоний, нежели изучать гармонии других, слишком просто и наивно трактуя общеизвестное положение о том, что свою гармонию невозможно выстроить, не взаимодействуя с гармониями окружающих, но Ши принадлежал как раз к развиту меньшинству. И знал, что подобная урезанная реакция означает неодобрение. Но к чему именно оно относится, пока было неясно.

– Тогда тебе известно, что более трети всех обладающих правами Деятельных Разумных активно участвуют в этой Дискуссии. А если учитывать всех, кто высказал свое мнение хотя бы один раз, то это число приблизится к четырем пятым жителей планеты. Ну, исключая Остров,

конечно. Хотя и островитяне также затронуты куда сильнее, чем это случалось во времена предыдущих Дискуссий. Мы не можем отслеживать участие островитян столь же точно, как жителей остальной Киолы, но, по прикидкам, не менее четверти жителей Острова Дискуссия задела за живое. Такого не было со времен Потери!

Учитель усмехнулся:

– А что, вы отделяете Дискуссию от Потери?

Оиентал запнулся. Нет, в том, что Дискуссия *связана* с Потерей, никто и не сомневался, но вот то, что она *неотделима* от Потери, вызывало большие сомнения. Во всяком случае, в Симпоисе подобного мнения придерживалось абсолютное меньшинство. И сам Ши к нему не относился.

– По этому поводу есть различные мнения, Учитель, – дипломатично отозвался Оиентал. – В конце концов, Потеря случилась сто сорок лет назад. Прошло много времени...

– Но тебе эта точка зрения не кажется достоверной? – уточнил Беноль.

Ши мгновение помедлил, а затем качнул головой, показывая Учителю, что не испытывает желания углубляться в эту тему. Учитель ответил легким кивком, но атмосфера в Саду слегка сгустилась. Что ж, Оиентал и не ожидал, что они будут способны сохранить безмятежную гармонию, обсуждая то, ради чего он и отправился в гости к Учителю.

– Значит, Симпоиса склоняется к принятию Решения, – задумчиво произнес Беноль спустя некоторое время, когда ощущение сгустившейся атмосферы было слегка развеяно ароматами Сада.

– Не сиюминутно, – тут же отозвался Ши. – Но ты же понимаешь, Учитель, Симпоиса просто вынуждена отреагировать на такую Дискуссию. И мы очень боимся совершить ошибку. Поэтому я здесь.

Алый Беноль все так же задумчиво кивнул и откинулся на спинку стула. Оиентал молчал. Учитель размышляет. Если его размышления приведут к некоему выводу, который можно будет облечь в слова, мимику и жесты, он удостоит его ответом. Если нет – значит, и Ши, и Симпоисе придется подождать.

– Мы испугались, – негромко начал Учитель спустя долгое время. – Нет, не сейчас. Тогда. Сто сорок лет назад, когда случилась Потеря. Мы испугались...

Ши молчал, ожидая продолжения. Слова, только что произнесенные Учителем, отдавали банальностью. Ну конечно они испугались! А как еще может отреагировать общество, построенное на Любви и Гармонии, когда на него из Бездны обрушивается *такое*? Но Оиентал знал, что даже банальность в устах Учителя всегда имеет свой, совершенно отличный от общепринятого смысл. И потому он немного напрягся, сосредоточившись на том, чтобы максимально точно уловить малейшие нюансы и оттенки того, что еще скажет ему Учитель. Когда общеизвестную истину произносит один из Цветных, не стоит морщиться – подобная реакция характерна для Деятельного Разумного самых низших ступеней, способного оперировать лишь все теми же банальностями, причем всегда безапелляционно и громогласно. Но тем, кто относит себя к высшим ступеням, следует не отмахиваться от банальности, которая прозвучала в устах мудреца, а попытаться понять, почему он ее произнес.

– Нет, испуг перед насилием был объясним и оправдан, – неспешно продолжил между тем Учитель. – Для тех, кто исповедует Любовь и Гармонию, насилие неестественно и необъяснимо. Но мы испугались другого. Мы испугались изменения, собственного изменения...

Брови Ши дрогнули. Он почти справился с удивлением. Почти...

– Почему испугались, Учитель?! Мы *воспротивились* собственному изменению. Потому что оно означало потерю себя, потерю всего того, чего мы достигли за тысячелетия непрерывного развития. Разве это может быть поставлено нам в вину?

– И да, и нет, – все с той же неспешностью, показывающей, что он продолжает размышлять над этим, проговорил Учитель. – И да, и нет... Я не знаю, пока не знаю, в каком соотно-

нении находятся эти «да» и «нет», но в том, что здесь присутствует и то и другое, я уверен. И я уверен в том, что в этой Дискуссии вы упустили вопрос, насколько плотно связан тот, как всем кажется, оставшийся в прошлом Испуг с тем, что происходит на Киоле сегодня. Вам, во всяком случае большинству из вас – я имею в виду только тех Деятельных Разумных, кои действительно способны разобраться в высших переплетениях Дискуссии и облечены доверием принятия решений, – вам кажется, что это совершенно разные вещи. А мне – нет... – Тут Беноль сделал короткую паузу и еще раз повторил:

– Мне – нет.

Ши прикрыл глаза, постаравшись отстраниться от всего, что происходило вокруг, и полностью погрузиться в только что высказанное предположение Учителя. Он был не согласен с этим предположением, но оно исходило от Беноля. И это означало, что многое из того, что Оиентал уже считал обдуманным и даже очевидным, требовало нового обдумывания. На некоторое время в Саду вновь установилась тишина размышления – не абсолютная, а заполненная легким шелестом ветвей, журчанием небольшого водопада и почти неслышным дыханием двух человек, погрузившихся в свои мысли.

– И все равно я не понимаю, Учитель, – произнес наконец Оиентал. – В первую очередь не понимаю того, что из всей связки Испуг – Гнев – Страдание, для того чтобы обозначить неотделимость, ты избрал только Испуг. Мне казалось более логичным...

– Ты потерял нить, – перебил его Учитель.

Неслышанно! Хотя Ши был и оставался, более того – сам продолжал считать себя его Учеником, он все же стал Свободным Ученым и членом Симпоисы, то есть принадлежал к тем, кто принимал решения за всю Киолу. Простое уважение требовало предоставить ему возможность закончить мысль. А Беноль его прервал. Неужели он, Оиентал, находится в плену столь глубокой ошибки, что это дает Учителю не только право, но и обязанность вытолкнуть его из тенет заблуждения, даже рискуя нарушить гармонию их разговора?..

– Я не имел в виду Испуг перед кем бы то ни было! Я говорю об Испуге перед тем, чем мы могли бы стать. Это не тот Испуг, который подразумевают, говоря о Потере. Это тот Испуг, о котором известно очень немногим. И судя по тому, что я не слышал ни об одной, даже очень ограниченной Дискуссии на сей счет, все эти немногие отчего-то хранят заговор молчания. – Тут Учитель сделал короткую паузу и, вернувшись от резкого, тревожного, диссонансного тона, который использовал в этом послы, к задумчивому, закончил: – Возможно, потому, что никто не знает не только верного решения, но и путей его достижения.

В Саду снова на некоторое время воцарилась тишина, а потом Ши задумчиво проронил:

– Возможно, правильное решение состоит в том, чтобы разорвать связь между Испугом и действием.

– Правильное решение известно, и именно оно было принято, – отозвался Учитель. – И состоит оно в том, чтобы не изменяться. Но вот *правильное* ли оно? И не отвратило ли оно нас от *истинно верного* решения? Быть может, не изменившись, мы просто не способны ничего сделать с Потерей? И если это так, значит, мы потеряли более ста лет, в течение которых никто не пытался искать ответа на вопрос, как нам следует измениться.

– Но почему? – изумился Оиентал.

Однако Учитель не ответил на этот вопрос. Он еще некоторое время помолчал, а затем тихо, будто не Ши, а самому себе сказал:

– И где взять тех, кто поможет нам измениться?..

Однако Оиентал не сдался:

– Учитель, но почему ты так уверен, что мы обязательно должны измениться?

– Не уверен, – качнул головой Беноль, – совсем не уверен. И так же, как те, кто принял решение не изменяться, вижу всю опасность изменения. Мы действительно можем потерять

себя. И уж точно мы станем другими. И еще более вероятно, что те, кем мы станем, не слишком понравятся нам сегодняшним.

Ши наморщил лоб. Ему казалось, что в рассуждениях Учителя нет никакой логики: Беноль полагает, что им необходимо измениться и что отказ от изменения губителен, но при этом считает, что изменение непременно сделает их хуже...

– Так в чем причина твоих сомнений, Учитель, в верности принятого решения?

– Я вижу очень большую вероятность того, что без изменения у нас нет никаких шансов вернуть Потерю.

– Как?! – Ши не верил своим ушам. Да вся Дискуссия развернулась только из-за того, что по всем расчетам, причем не просто инициативным, а проверенным и утвержденным Симпойсой, у них появилась реальная возможность в ближайшее время вернуть Потерю! Пусть и дорогой ценой. И сейчас основным вопросом Дискуссии было вовсе не то, возможно ли это, – в выводе, подтвержденном Симпойсой, никто не сомневался, – а то, не слишком ли велика цена... Учитель же утверждает – ну ладно, пусть предполагает, – что без изменения возвращение Потери просто невозможно! Если бы это заявил кто угодно, только не Алый Беноль... ну, или еще кто-нибудь из Цветных, Оиентал просто рассмеялся бы ему в лицо. Так противопоставлять свою гармонию всей остальной планете!.. Но Учитель...

– Ты... у тебя есть, чем обосновать свои предположения? – слегка севшим от волнения голосом спросил Ши.

Учитель пожал плечами:

– Кое-что, что пока не заслуживает внимания. Я еще работаю над этим. – Он улыбнулся. – Сейчас я занят другим, старым проектом, который отнимает все мое время, поэтому я и не посчитал себя вправе принять участие в Дискуссии. Моя позиция не полностью оформлена, и доказательства ее обоснованности пока не отвечают всем критериям научной достоверности. Так что, если бы Симпойса не прислала тебя, я, вероятно, промолчал бы. Но скрывать сомнения от своего Ученика я не вправе.

Ши снова склонил голову, на этот раз благодаря Учителя за подобное отношение. Беноль в ответ снова ласково улыбнулся.

– Но что же тогда делать? – спросил Оиентал.

– Когда я закончу свой старый проект, возможно, у меня будет ответ на этот вопрос, – уклончиво отозвался Беноль, предоставив Ши самому догадываться, связано ли то, что Учитель называл «старым проектом», с предметом Дискуссии, или он имеет в виду, что после окончания этого «старого проекта» у него появится время надлежащим образом обосновать свои предположения.

– Но, Учитель, Решение будет принято через десять дней!

Беноль небрежно взмахнул рукой.

– Я живу уже очень давно, Ши, – немного устало начал он, впервые обратившись к Ученику по имени, – и не раз был свидетелем тому, как Решения, причем такие, в истинности которых никто не сомневался, в том числе и я сам, немного позже оказывались то ошибочными, то неисполнимыми, то просто никому не нужными. Так что я не вижу необходимости торопиться. Все равно истечет еще много времени, пока принятое Решение дойдет до реального воплощения. А к тому моменту я надеюсь успеть...

Следующие три часа они более не говорили о предстоящем Решении. Но когда Ши покинул иуэлу Учителя, дух его находился в смятении. Учитель чувствовал это, потому, когда они прощались на террасе у стоянки «ковшей», он протянул руку и положил ее на плечо Ученика:

– Не стоит принимать мои слова так остро, Ши. Я же сказал, что еще думаю об этом. Возможно, я ошибаюсь...

Оиентал благодарно кивнул. Эти слова многое открыли ему. Учитель любил его и ради гармонии Ученика готов был даже поступиться частью найденной истины. Но Ши уже давно

не был тем порывистым и горячим молодым человеком, способным воспарить в облака от одной одобрительной фразы Учителя или прийти в отчаяние от неудачи всего лишь одного эксперимента, построенного на слишком зыбком теоретическом фундаменте. Ши вырос, приобрел опыт и сам стал руководителем огромного научного коллектива. А работа в Симпоисе, в которую он избирался уже шесть лет подряд, закалила и отточила его деловую хватку и знание людей. Он, конечно, допускал, что Алый Беноль способен ошибиться. Более того, он был уверен, что Беноль действительно ошибается. В чем-то. Но суммарная доля этого «в чем-то» в общей оценке ситуации столь могучим умом была настолько невелика, что в крайнем случае ею можно пренебречь. А вот общая оценка... И это означало, что Ши предстоит выдерживать настоящую схватку с другими членами Симпоисы, дабы максимально замедлить процесс принятия Решения. Тянуть время до тех пор, пока Беноль не сумеет сформулировать свою позицию. Или пока они сами не поймут того, что Бенолю очевидно уже сейчас... А еще его очень заинтересовало, что же кроется за словами Учителя о «старом проекте». Потому что чем больше Ши размышлял над ними, тем яснее становилось, что Учитель вовсе не имел в виду недостаток времени. Предмет Дискуссии был слишком важным для всей Киолы, и Беноль никогда не обошел бы его молчанием, если бы не ожидал того, что нечто скоро позволит ему проникнуть в интересующий его предмет гораздо глубже, чем он уже это сделал. Но что именно может помочь ему?... Однако задавать подобные вопросы было в высшей степени неэтично. Если бы Учитель захотел, он бы сам все ему рассказал, а раз нет... Поэтому Ши так и отбыл, не удовлетворив своего любопытства.

* * *

Проводив взглядом «ковш», уносящий в голубую высь его Ученика, Алый Беноль прикрыл глаза и шумно втянул ароматы террасы. Слабый запах озона, всегда сопровождавший работу граувира «ковша», уже почти не ощущался. Легкий, одноместный аппарат имел слишком маломощный граувир, чтобы его работа, даже на взлетном режиме, приводила к заметному индуцированию этого газа. Не то что грузовые транспортные системы – на них приходилось ставить тяжелые рекомбинаторы, преобразующие более девяноста восьми процентов продуцируемого озона обратно в двухатомный кислород, но все равно при старте или посадке таких машин по ноздрям тех, кто находился рядом, бил сладковатый, резкий, свежий аромат. Из-за этого операторские кабины погрузочно-разгрузочных манипуляторов в терминалах оборудовали системами фильтров. Беноль знал такие подробности, потому что в молодости, когда доступная ему доля Общественной благодарности была еще совсем незначительна, в свободное от науки, танцев и бурных любовных приключений время подрабатывал оператором. С тех пор прошло почти восемьдесят лет. Но манипуляторы, как, впрочем, и граувир, ничуть не изменились...

Беноль еще раз глубоко вдохнул, наслаждаясь уже совершенно очистившимся воздухом, в который деревья на террасе, примыкавшей к стоянке «ковшей», добавили его любимых ароматов. Он снова остался один, и потому весь биоценоз его иуэлы вновь перешел в спокойное состояние, перестав отслеживать запахи посторонних и пребывать в готовности защитить хозяина от любых неожиданностей. Беноль грустно усмехнулся. До чего он дошел! Он, один из Цветных, настолько отдалился от гармонии, что в собственной иуэле не может ощутить себя в полной безопасности. Вернее, не он сам. То есть не его тело. Ему даже в самом неблагоприятном случае не могло грозить ничего серьезнее, чем лишение статуса Цветного и, соответственно, резкое, на порядки, уменьшение доступной доли Общественной благодарности. Опасность грозила его планам...

Постояв еще несколько минут, Беноль развернулся и двинулся внутрь иуэлы. Дойдя до граулифта, он спустился на уровень моря и, обогнув бассейн, направил стопы в узкие коридоры

доры, уводящие в глубь ядра сервисию иуэлы. Обычно туда не ступала нога человека. После установки и подключения всех контуров ядра причин для появления человека в этих коридорах уже не возникало: сервисию самостоятельно справлялся со всеми проблемами, которые могли возникнуть как в процессе его функционирования, так и в процессе эксплуатации всей иуэлы в целом. Так что подобные коридоры слышали людские голоса лишь несколько дней перед запуском, пока шел монтаж оборудования, а потом они замолкали на века. Сервисию были самообучающимися системами, а если требовалось наращивание их мощности, то хозяину надо было просто озвучить свои планы, после чего сервисию самостоятельно связывались со всеми необходимыми проектными, производственными и сервисными структурами, самостоятельно производили расчеты, оценку предложенных проектов, заказ компонентов, при получении которых сами осуществляли их монтаж. А хозяину оставалось лишь пользоваться результатами. Ну, если, конечно, в его распоряжении имелось достаточно Общественной благодарности. Впрочем, когда для планируемых изменений ее не хватало, сервисию уведомляли об этом хозяина, и он принимал решение либо умерить свои аппетиты, либо обнародовать, на что именно ему потребовались запрошенные ресурсы. После чего Деятельные Разумные должны были рассудить, следует ли предоставить ему дополнительные средства... Но для Цветных подобных ограничений не существовало. Так что, когда Алый Беноль двенадцать лет назад пожелал произвести переконфигурацию ядра своей иуэлы, все изменения были осуществлены точно в запланированных масштабах и заняли целых полтора года. И это при том, что стандартное наращивание не только вычислительной, но и исполнительной мощности ядра на один порядок, то есть в десять раз, обычно занимало максимум неделю. Но кто осмелится задавать вопросы Цветному?

Беноль обогнул круглый центральный зал ядра по плавно изгибающемуся коридору и спустился на уровень ниже по отлогому, широкому пандусу. Его пришлось сделать, поскольку заказанные сервисию компоненты переконфигурации оказались столь тяжелыми и громоздкими, что для их транспортировки к предназначенным местам понадобилось использовать специальные колесные транспортеры. Колесные, потому что использование транспортеров с граувирами было бы куда более затратным. Маломощные граувиреры не справились бы, более мощные требовали рекомбинаторов, а это раздувало линейные размеры транспортеров до таких величин, что размеры коридоров для транспортировки выросли бы на порядок. А Беноль и сейчас следовал к своей цели по коридору высотой в два его роста...

Наконец он достиг створок входной двери. Их поверхность светилась слабым алым цветом. Обычно так подсвечивались двери, за которыми были расположены системы и резервуары с веществами – нахождение поблизости от них могло создать угрозу человеческому здоровью и жизни. По мере приближения человека они набирали яркость, а когда тот оказывался на расстоянии вытянутой руки, начинали мигать и громко звенеть. Так произошло и сейчас. Но едва Беноль коснулся двери ладонью, все стихло, и створки плавно втянулись в стены. Он криво усмехнулся и сделал шаг вперед...

Часть первая

Прибытие

Глава 1

– Эй, Банг, тебя зовет лейтенант О’Коннел!

Мастер-сержант Джо Розенблюм по прозвищу Банг как раз пристроился слегка передохнуть после завтрака в тенечке, образованном брезентовым тентом. Тент прикрывал от яркого тихоокеанского солнца ящики с патронами, гранатами, взрывчаткой и детонаторами, то есть спасал имущество, находившееся под личной опекой мастер-сержанта, отчего тот имел вполне законное право воспользоваться кусочком тени, а потому с неохотой оторвал голову от скатки и посмотрел на Сэма. – И зачем я ему? – лениво поинтересовался Розенблюм, не делая попытки подняться на ноги. Второй лейтенант О’Коннел был сопляком, да еще озабоченным глупыми подозрениями по поводу того, что мастер-сержант все время подвергает сомнению его авторитет. Вероятно, этот юный лейтенантик, прибывший в их роту только две недели назад и пока не побывавший ни в одном бою, просто завидовал ветерану-сержанту, успевшему уже заработать и Пурпурную дырку, и Серебряную звезду. Причем завидовал, возможно, даже не осознавая этого. Но Джо от того было не легче. Когда какой-то придурок постоянно срывает тебя, только прилегшего отдохнуть или собравшегося с друзьями перекинуться в картишки, по совершенно пустячному поводу и начинает грузить всякими глупостями – ну кому это понравится?

– Не знаю, – ухмыльнулся Сэм. Хотя он, как и лейтенант, был ирландцем, но, будучи таким же ветераном-сержантом и старым приятелем Банга, лейтенанта не одобрял. Что отнюдь не мешало ему потешаться над страданиями Розенблюма, у которого не было никакой возможности послать сопляка О’Коннела в задницу. Сэм был в курсе, что после первого же конфликта, случившегося прямо в день прибытия второго лейтенанта в роту «Браво», Розенблюма вызвал командир батальона майор Бабберидж и выдрал как бодливого козла. Он имел на это право, поскольку и сам воевал с января сорок второго да к тому же родился и вырос там же, где и Джо, – в Бронксе. Далее майор заявил, что, если мастер-сержант еще раз пошлет офицера куда подальше, то очень об этом пожалеет. А уж потом попросил: «Потерпи, Джо. Парень еще не был ни в одном бою. Оботрется...» И мастер-сержант ему это пообещал. Потому-то он и вынужден был стоически терпеть все выходки сопляка-лейтенанта, к ярко выраженному удовольствию своих старых приятелей.

Банг еще несколько мгновений полежал, мысленно прощаясь с желанием прихватить минуток сто, как он собирался, а затем с легким кряхтением встал с ящика, на котором с таким комфортом расположился.

– Присмотри за моими вещичками, Сэм, пока я поизображаю из себя дрессированную собачку.

– Без проблем, Банг, – отозвался Сэм. И, дождавшись, когда приятель скроется за ближайшей палаткой, тут же занял освободившееся место. Ну не пустовать же столь уютному уголку из-за того, что какому-то второму лейтенанту вновь потребовалось продемонстрировать старине Бангу, у кого в роте самые здоровенные яйца?

В палатку к лейтенанту мастер-сержант вошел, небрежно откинув полог ногой. О’Коннел оторвал взгляд от раскладного столика, на котором были разложены накладные и ротные пламенные ведомости, и в упор уставился на Розенблюма. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга. Второй лейтенант, похоже, ждал, что мастер-сержант отдаст ему доклад по всей

форме, но о таком Банг с майором не договаривался. Вот еще, много чести этому сосунку! Поэтому лицо второго лейтенанта О'Коннела довольно быстро пошло красными пятнами.

– А ну-ка, мастер-сержант, отдайте мне честь! – слегка приглушенным от едва сдерживаемого возмущения голосом приказал молодой лейтенант.

– Хо, так вы звали меня, чтобы потренироваться во взаимном отдании чести, сэр? – осклабился Розенблюм. – Так лучше нам выйти на ту площадку перед палаткой командира батальона, на которой штаб-сержант Каллахен гоняет провинившихся.

– Мастер-сержант! – взревел лейтенант О'Коннел, но сумел обуздать свою столь типичную для ирландца ярость и продолжил уже на два тона ниже: – Я знаю, что вы ветеран и потому презираете меня как человека, еще ни разу не нюхавшего пороха, что вы, сержанты, считаете себя привилегированной кастой, что вы земляки с командиром батальона, и потому...

Но тут уж не выдержал Банг. Этот сопляк смеет попрекать его особыми отношениями с майором, хотя именно из-за этих, черт возьми, особых отношений он до сих пор и терпит всплески раздутого самомнения сопляка!

– Послушайте, сэр, – перебил лейтенанта мастер-сержант, – если у вас есть ко мне важное дело, так говорите. А слушать ваши бредни я не обязан.

Второй лейтенант вскочил на ноги:

– Вы... я... я подам на вас рапорт! Вы пойдете под трибунал! Я...

– Да сколько угодно... сэр! – рявкнул в ответ окончательно выведенный из себя Банг и выскочил из палатки. Эх, жаль, брезентовым пологом нельзя приложить так, чтобы у этого мальчишки зазвенело в ушах...

– Ну что, опять поцапались? – лениво спросил Сэм, когда мастер-сержант вернулся к своим ящикам, укрытым тентом, и пнул занявшего его место товарища в подошвы армейских ботинок.

Банг только выругался в ответ.

– А ты подшути над ним, – предложил старый приятель, скорешившийся с Бангом еще в учебной роте, в такой далекой отсюда Джорджии, где Розенблюм, тогда носивший только капральские нашивки, гонял новобранца Сэма. Уж ему-то было известно, как может пошутить старина Джо.

Помнится, Джо назначили на дежурство как раз перед Днем Благодарения. И надо ж было такому случиться, что в их подразделение позвонила какая-то из этих чопорных белых леди. В южных, бывших конфедератских, штатах таких много. Так вот, престарелая леди, мучимая приступом патриотизма, сообщила, что они с товарками были бы очень рады, если бы им прислали пятерых солдат, чтобы те разделили с ними праздничный ужин. Джо Розенблюм тогда даже облизнулся в предвкушении. После Перл-Харбора пожилые экзальтированные тетушки, ранее презрительно поджимавшие губы при виде человека, одетого в мундир «этих несносных янки», пришли в крайнее патриотическое возбуждение. Так что можно было ожидать, что прибывших на обед солдат накормят до отвала... Но следующая фраза собеседницы повергла Джо, тогда еще не носившего прозвище Банг, сначала в недоумение, а затем в ярость: «Только прошу вас, сержант, никаких евреев!»

Он едва не поперхнулся. Заявить такое нью-йоркскому еврею?! Но сбить Розенблюма с толку не так-то просто. Поэтому он твердо отчеканил в трубку: «Вас понял, мэм! Самолично проверю, чтобы их там не было!»

И выполнил-таки обещание. Толстый Том, возглавлявший откомандированную пятерку, потом долго зарабатывал себе на пиво, рассказывая, какое выражение лица было у отворившей им дверь благообразной белой леди в кухонном фартуке, когда она обнаружила у своего порога пятерку одетых в военную форму негров.

«О боже! – всплеснув руками, пробормотала ошарашенная леди. – Произошла какая-то ужасная ошибка...»

«Никак нет, мэм, – браво отрапортовал Толстый Том. – Наш сержант Розенблум никогда не ошибается!»

Мастер-сержант скрипнул зубами:

– Уж я бы подшутил... Да уж... Да только если я подшучу так, как у меня руки чешутся, то майор Бабберидж мне этого в жизни не простит, а меньшего сопляк не заслуживает... Ладно, вали с моего места!

Сэм, нарочито кряхтя, сел и с хрустом потянулся. В этот момент из-за штабеля ящиков послышался голос часового:

– Эй, Банг! Тебя там комбат вызывает.

Розенблум зло сплюнул:

– Ну вот, уже пожаловался.

Сэм ухмыльнулся и молча развел руками. Мол, и рад бы помочь, но нечем. А затем нагло поинтересовался:

– Ты не против, если я еще поваляюсь?

Но Банг его уже не слышал. Он развернулся, проверил ладонью, точно ли по центру лба расположена кокарда на пилотке, расправил складки на поясе и, стиснув губы в нитку, зашагал вперед. Майор Бабберидж – это не какой-то там сопливый второй лейтенант, это серьезно...

Майор ждал его в своей палатке. Когда Банг подходил к ней, штаб-сержант Каллахен, по уже установившейся привычке гонявший на утоптанном пятачке перед палаткой майора провинившихся солдат, оторвался от этого увлекательного занятия и ухмыльнулся Бангу. У мастер-сержанта екнуло сердце. Неужели папаша Бабберидж после рапорта сопляка О'Коннела так сильно разозлился, что отдал приказ Каллахену погонять его, Банга, по этому импровизированному плацу будто зеленого новобранца? Вот позору-то будет...

– Сэр!

– А, Банг, это ты? Заходи...

Второй лейтенант О'Коннел был здесь. Как, впрочем, и остальные офицеры батальона. И несколько самых старых и опытных сержантов. У Джо мелькнула мысль, что майор решил устроить ему выволочку перед всем командным составом батальона, но тут же пропала. Папаше Баббериджу для выволочки не нужна была никакая компания. Он и сам был способен так отодрать провинившегося – тому потом неделю казалось, что ему больно садиться...

– Итак, господа, – начал комбат, едва только Банг опустил свой сухопарый зад на раскладной стульчик, стоявший в самом дальнем уголке палатки, – поступил приказ грузиться на корабли. Через три дня мы отправляемся. И нам надо решить, что именно из того цыганского табора, в который превратился наш батальон, способно помочь нам лучше выполнить свою задачу. Потому что взять все, как бы этого ни хотелось некоторым присутствующим, – тут он обвел взглядом лица своих командиров, задержав его на некоторых из них, среди коих загорелая рожа Банга занимала отнюдь не последнее место, – мы не сможем.

И Банг понял, что его публичная порка откладывается. Похоже, второй лейтенант не выполнил угрозу и ничего не доложил комбату. Впрочем, особой радости это Бангу не доставило, потому что, как следовало из слов комбата, ему предстояло расстаться с большей частью того имущества, которое он все прошедшее время любовно собирал, будто птичка, зернышко к зернышку, выменивая у интендантов на дефицитное здесь виски или на джапанские трофеи. Тыловики всех армий во все времена очень неровно дышат к вещам, снятым в бою с трупов врагов. Возможно, потому, что сами не способны ни на что подобное...

Совещания майор Бабберидж устраивал всегда после получения приказа на выдвижение. И Банг участвовал в них вовсе не благодаря своей должности – он числился всего лишь заместителем командира взвода. Дело было в том, что полтора года назад мастер-сержант увлекся взрывным делом и за это время стал, как в шутку называл его майор, «секретным оружием батальона». Банг частенько проделывал с помощью взрывчатки путь там, где его не было,

или поднимал в воздух позиции каких-нибудь особенно упорных джапов. Именно потому его «хозяйство» всегда было куда более объемным, чем у любого другого замкомвзвода...

* * *

Их батальон выбросили во второй волне десанта, когда парни, шедшие первыми, уже закрепились за узкую полоску пляжей, а очухавшиеся джапы успели подтянуть к занятым парнями из 2-й дивизии морской пехоты плацдармам резервы из глубины острова.

Прибрежную полосу они преодолели быстро. А вот как только углубились в джунгли, начались проблемы. В первый раз на ожесточенное сопротивление они наткнулись где-то в полумиле от побережья. Желтожопые оборудовали позиции на небольшой высоте, с которой хорошо простреливались все окружающие заросли. Наткнувшись на плотный огонь, батальон откатился назад и залег, огрызаясь выстрелами.

Джо Розенблум некоторое время лежал за деревом, то и дело вытягивая шею и оглядываясь, а потом заприметил очень уютную ложбинку, куда почти не добивали очереди джапанского пулемета, и, ловко шуранув по-пластунски в сторону, скатился в нее.

Спустя пять минут там собралась довольно теплая компания. Первым к Бангу присоединился его приятель Сэм, затем по травяному склону съехал на заднице штаб-сержант Каллахен, за ним еще двое солдат-новобранцев, а последним в ложбинку сполз второй лейтенант О'Коннел. Молодой офицер весь перемазался в земле и траве, каска съехала на ухо, в глазах таился страх, но при этом он был здесь, на первой линии, и не проявлял поползновений притормозить и отсидеться в тылу. И Сэм, бросив на Банга изучающий взгляд, удовлетворенно кивнул, мол, похоже, сопляк не трус, а страх в глазах – чепуха, кто и когда не испытывал его в первом-то бою?

– Ну что, парни, вляпались? – глухо проревел штаб-сержант Каллахен. После контузии он слегка оглох на левое ухо и потому всегда говорил громче, чем остальные.

Второй лейтенант замер и настороженно прислушался. У него хватило ума не вступать в разговор ветеранов, но этот вопрос его определенно интересовал ничуть не меньше, чем их.

Банг ухмыльнулся:

– Да нет. Мы пока еще довольно близко от побережья. Большие парни помогут.

В этот момент в отдалении загрохотало. Второй лейтенант О'Коннел нервно вздрогнул. Сэм с довольным видом произнес:

– Ну все, макакам – крышка. В дело вступили большие парни.

– Не гони, старина, – отозвался Банг. – Когда это большие парни добирались до каждой норки? Они на то и большие, чтобы не замечать мелюз...

Тут уж поблизости шарахнуло так, что всех прямо подбросило. А новобранцы рефлексивно зажали уши. Руки лейтенанта О'Коннела тоже дернулись к ушам, но молодой офицер удержался и бросил короткий взгляд на сидящих кружком сержантов – не видел ли кто? Однако даже Банг сделал вид, что не заметил.

Это снаряды, выпущенные из корабельных орудий главного калибра, наконец-то долетели до берега.

– «Айдахо» приложил, точно, – уверенно заявил Сэм.

– Нет, старина, – проревел штаб-сержант Каллахен, – это не меньше чем «Норт Каролина». Для «Айдахо» слишком сильно.

– И ничего не сильно, – тут же вскинулся Сэм, – просто близкое накрытие. Четырнадцать дюймов – это, знаешь ли, тоже очень здоровая корова.

– Но это был разрыв шестнадцати – точно тебе говорю...

Разгореться спор так и не успел, потому что откуда-то издали донеслось:

– Приготовиться!..

Банг досадливо поморщился: залп корабельных орудий почти никак не отразился на частоте, с которой джапанские пулеметы молотили по их батальону. Похоже, корабли обрабатывали какие-то цели в тылу у желтожопых. Но им-то от этого какой прок? Впрочем, может, оно и к лучшему. Большие парни привыкли стрелять по целям размером с линкор, так что если один из их «чемоданов» прилетит на сорок ярдов ближе, чем расположены пулеметы «макак», то это для больших парней будет считаться точным попаданием. А вот батальону в этом случае очень не поздоровится. Так что пусть лупят куда-нибудь подальше в тыл желтожопым. Целее будем...

Впрочем, как выяснилось, совсем без поддержки их не оставили. Спустя минуту со стороны пляжа, на котором расположились морпехи из 2-й дивизии, донеслись завывания минометов. Банг расплылся в довольной улыбке. Вот это уже лучше...

Следующие полторы мили батальон преодолел довольно легко. После подавления пулеметов джапов батальон сбил неполную роту «макак», занимавшую почти не оборудованные позиции, и двинулся вперед под аккомпанемент залпов корабельных орудий... чтобы ровно через полторы мили наткнуться уже на оборудованный японский опорный пункт.

Первые очереди японского пулеметчика прозвучали внезапно, но оказались убийственно точны. Шедшее впереди отделение роты «Альфа» будто корова языком слизнула. Банг и Сэм успели рухнуть на землю и торопливо отползти в сторону, пока джапанская «мясорубка», установленная в умело оборудованном скальном доте, поливала огнем залегших «джи-ай».

– Вот черт, – выругался Сэм, оглядывая свое отделение, – Пита зацепила. Чертовы джапы, как ловко установили свою «мясорубку». Не подобраться и минометами не накрыть.

Банг никак не ответил на тираду приятеля. А что тут скажешь – все так и есть! Японский пулемет можно было достать только прямой наводкой. Но когда еще сюда дотащат на руках через джунгли хоть какое-нибудь орудие? По всему выходило: они тут застряли надолго.

– Хоть бы Господь разорвал эту макаку! – в сердцах выругался Сэм. – Ну или ты, Джо, устроил бы ему какой-нибудь Большой Банг!

И тут, перекрывая грохот джаповского пулемета, послышался знакомый рев штаб-сержанта Каллахена:

– Эй, Банг, майор зовет!

Мастер-сержант криво усмехнулся:

– Не знаю как Господь, а майор Бабберидж твои слова услышал, Сэм. – После чего подполз к самому краю валуна и замер, ожидая момента, когда у японского пулеметчика закончится лента и он займется ее сменой.

Майор Бабберидж лежал за стволом кокосовой пальмы, срезанным под корень близким разрывом крупнокалиберного орудия, и смотрел в бинокль на японские позиции.

– Сэр?

Майор оторвался от бинокля, вытер ладонью лицо и повернулся к мастер-сержанту:

– Ну что, Банг, видишь, что творится?

– Так точно, сэр.

– Этот пулемет у нас как заноза в яйцах. Сможешь его успокоить?

Банг ответил не сразу. Он присел за деревом, осторожно выставил голову из-за поваленного ствола. С того места, которое он занимал ранее, подступы к чертову пулемету было не разглядеть.

– Вот, глянь.

Мастер-сержант обернулся – майор протягивал ему бинокль. Банг благодарно кивнул и поднес оптику к глазам. На первый взгляд к пулемету было не подобраться. Левый фланг позиции примыкал вплотную к скале, а по центру и справа были открытые, полностью простреливаемые сектора. Нет, никаких шансов! Хотя... Мастер-сержант внимательно присмотрелся к скале. А если забраться туда? Это отсюда никаких шансов, а сверху, может, что и удастся раз-

глядеть. Ну есть же у этого проклятого, вырубленного в скале дота тыл? А в тылу должен быть проход. Носили же чертову пулеметчику обеды, патроны должны подтаскивать, да и поссать же он куда-то выходит – не под себя же гадить? Вот куда-нибудь туда и можно будет швырнуть со скалы заряд помощнее. Ну там веревками как следует обмотать, чтобы не рассыпался при падении, – и швырнуть. Чтоб рвануло от души. Чтоб если даже и не уничтожить, то оглушить – тогда ребята смогут подобраться поближе и забросить в амбразуру гранату... Да, можно попробовать...

– Можно попробовать, – решительно сообщил майору Банг.

– Что тебе для этого надо?

– Пару-тройку парней покрепче, желательно из тех, кто умеет лазать по скалам, и несколько мотков веревки. Ну и прижать этих макак огнем, когда я буду карабкаться вон туда, сэр.

Майор бросил внимательный взгляд в указанном направлении, с сомнением покачал головой, но затем кивнул:

– Хорошо. Все будет. Людей возьми из роты «Альфа». У первого лейтенанта Бриггса во втором взводе есть сержант Луи. Он вроде как хвастался, что у него в башке не все в порядке, поэтому, вместо того чтобы пить виски и жарить симпатичных курочек, он в свободное время предпочитал лазать по скалам. Бери его, и если он знает еще таких же ненормальных – то и их тоже. И... Банг, я очень на тебя рассчитываю. Мы в полной заднице из-за этого пулемета. Не подведи меня.

– Да не волнуйтесь, сэр! – широко улыбнулся Розенблюм. – Первый раз, что ли? Я вобью этих желтожопых макак в землю. Вы только на всякий случай приготовьте еще пару ребят с гранатами, чтобы после моего взрыва они добавили макакам пару подарочков. Ну, для верности...

Сержант Луи оказался маленьким вертлявым итальянцем, сбежавшим в Штаты вскоре после того, как к власти в Италии пришел Муссолини. В их батальон Луи прибыл с последним пополнением, после ранения, которое заработал на Гуадалканале. Услышав о приказе майора, он покровительственно махнул Бангу рукой:

– Не волнуйтесь, мастер-сержант, у нас на Сицилии такие горы, что этот обломочек перед ними – тьфу. На подобные пригорки мы обычно ходим с девушками любоваться на закат.

Банг криво усмехнулся, но спорить не стал. Что толку спорить, если через полчаса все увидишь в деле? К тому же все итальянцы – сплошь рисовщики. Вечно выпендриваются.

– А еще такие любители полюбоваться на закат есть на примете?

– Таких, – гордо заявил Луи, – больше нет. Но тех, у кого при карабканье на этот холмик коленки не затрясутся, – еще парочка найдется. – И, обернувшись, он зычно проорал: – Эй, Дик, Мачо, давай ко мне! Майор Бабберидж задал нам работенку!

Приготовления к подъему на скалу закончили быстро. Ну да время не ждало. Батальон уперся в эту пулеметную точку как в пробку, и пока Банг не разберется с чертовым пулеметным расчетом, двинуться куда-то вперед нечего было и думать.

– Попрыгали, – коротко приказал мастер-сержант, когда все четверо выстроились у подножия скалы. И удовлетворенно кивнул: нигде ничего не съезжало и не цеплялось. – Ну... вперед! До заката еще далеко, и не уверен, что мы наверху задержимся настолько, что успеем на него полюбоваться, но роскошный вид на окрестности я вам гарантирую.

Первым в связке пошел Луи, за ним двинулся Мачо, кряжистый мексиканец из предгорий Сьерра-Мадре, решивший, что служба в армии позволит ему быстрее заполучить вожделенное американское гражданство, а уж за ним шел сам Банг. Замыкал связку Дик, родом из Монтаны, на гражданке промышлявший охотой на горных козлов и потому тоже имевший опыт восхождения на горные кручи.

Первую треть подъема они преодолели буквально за пять минут, а вот затем начались проблемы. Где-то на последней четверти путь вверх перекрывал небольшой карниз. Вероятно, опытные альпинисты с необходимым снаряжением взяли бы его на раз, но с опытными альпинистами на этом острове было плоховато, а со снаряжением – вообще полная задница. Так что с карнизом шедший первым Луи проваландался около получаса, дважды чуть не сорвавшись. Дальше дело снова наладилось, и все было хорошо... до того момента, пока Мачо не дернулся и едва не свалился на голову мастер-сержанту, мешком повиснув на веревке, которую держал уже забравшийся на самый верх Луи.

– Что с тобой, Мачо?

– Подстрелили меня, серж, – глухо отозвался мексиканец.

Луи присвистнул.

– Залезть сможешь?

– Смогу, – пропыхтел мексиканец, зажимая ладонью рану на плече. – Тут уже легко.

Но, как видно, ему на роду было написано окончить свои дни на этой скале. Потому что когда он, постанывая, снова начал карабкаться наверх, Банг услышал еще один шлепок и тело Мачо окончательно обмякло. А на макушку мастер-сержанта капнуло чем-то мокрым и горячим.

– Эй, серж, – спустя несколько мгновений послышался сверху голос Луи. – Я его долго не удержу. Так что поднимись к нему и обрежь веревку. Только сделай это после того, как ухватишься за нее как следует и обрежешь тот кусок, которым Мачо привязан к тебе, а то ухнете все вместе. Понял?

– Понял, – зло выпалил Банг, кляня себя за глупую идею, которая привела его на эту богом проклятую скалу. И какого дьявола полез? Нет бы заткнуться и спокойно сидеть, пока не подтянется поддержка – ребята с пушками или огнеметчики. Так нет – выпендриться захотелось, прозвище оправдать, легенды, которые о нем ходят по батальону, да что там по батальону, по всей их дивизии, мол, Банг даже сатане в аду может воткнуть под хвост хороший сосредоточенный заряд...

– И поосторожней там, – снова раздался голос Луи. – Похоже, Мачо снайпер достал.

– Да уж точно не Дональд Дак, – проворчал Банг, остервенело карабкаясь вверх.

До вершины он добрался совершенно без сил. Потому что прежде чем отрезать от связки труп Мачо, он, вися на одной руке, умудрился стянуть с мексиканца вещмешок со взрывчаткой. Японский снайпер несколько раз пытался отправить его вслед за Мачо. Дважды пули щелкали о скалу, а раза три впивались в мертвое тело. К счастью, патрон «арисаки» был куда менее мощным, чем «грантовский», так что достать Банга сквозь мешавший ему труп не сумел.

– И чего ты возился с этим мешком? – брызжал Луи, торопливо подтягивая Дика. – И так навьючил на всех едва не сотню фунтов взрывчатки...

– Запасливый бурундучок переживет зиму, – шумно дыша, ответил ему мастер-сержант известной пословицей. – Мне надо достать пулемет, а я пока не знаю, сколько взрывчатки на это понадобится.

Луи хмыкнул и рывком вытянул на верхушку скалы мощную тушу Дика. Тот радостно осклабился, но почти сразу же его лицо исказила страдальческая гримаса, и он взвыл:

– А-а-а! Чертов желтожопый!

Луи сначала недоуменно уставился на приятеля, который вцепился в собственную ляжку... в самой верхней ее части... как раз там, где ноги теряют свое благородное название. А затем громко расхохотался.

– Опа! Дик, так эта макака успела послать тебе свой прощальный привет! – радостно орал он, разрывая перевязочный пакет. – И в такое место! Поздравляю! Представляю себе, как сестричке будет весело бинтовать тебе столь страшную рану. А как ты будешь объяснять ей, откуда она у тебя взялась? Это ж как героически надо бежать в атаку, чтобы заполучить себе

рану в такое место! Клянусь, я бы хотел послушать историю, которую ты будешь рассказывать сестричке!

– Ладно, парни, – наконец отдышавшись, оборвал Розенблум словесный поток итальянца. – Побалагурили – и хватит. Давайте-ка мне сюда взрывчатку и веревки. Папаше Бангу пора заняться тем делом, ради которого он согласился изображать из себя горную ящерицу.

Заряд мастер-сержант собрал быстро – ну да это дело привычное, – осторожно подполз к краю скалы и заглянул вниз. После чего грязно выругался. Нет, подход с тылу к доту имелся. К небольшому скальному козырьку, прикрывавшему дот с этой стороны, вела изрядно протоптанная тропа, являвшаяся продолжением той, по которой батальон и поднялся к перевалу. Вот только с этой стороны она резко сбегала вниз. Так что если он швырнет заряд, то, прежде чем догорит шнур, заряд успеет укатиться довольно далеко от дота. А значит, расчету пулемета не будет причинено никакого вреда.

– Что там, Банг? – насторожился Луи.

– Чертов склон, – мрачно отозвался мастер-сержант. – Ничего не получится – заряд скатится.

Луи присвистнул, скорчил огорченную рожу, шелкнул пальцами, потряс головой, короче, исполнил все, что можно было ожидать от итальянца в такой ситуации.

– И что делать?

Банг вздохнул:

– Пока ничего. Скину вниз записку на веревке. Пусть привяжут к ней несколько колышков или просто палок. Попробую сделать упоры, чтобы заряд не покатился. Может, получится...

Но первый заряд все равно скатился и рванул ярдах в сорока от скального уступа. А вот к ним вследствие неудачной попытки было привлечено внимание едва ли не сотни желтожопых, до сих пор предпочитавших стрелять в сторону залегшего батальона.

– И что теперь? – поинтересовался Луи, прижимаясь к верхушке скалы и жмурясь от мелкой каменной пыли, вышибаемой вонзающимися в скалу японскими пулями.

– Не знаю. Думать надо, – зло ощерился мастер-сержант. Но в этот момент вскинулся Дик, залегший за мелким скальным пальцем у дальнего от японцев края скальной верхушки.

– Минометы, – испуганно пробормотал он и сразу заорал во весь голос: – Минометы!

Луи и Банг переглянулись. Минометы в джунглях – самое поганое.

– По батальону бьют, – прошептал Луи.

Банг молча кивнул. Батальон растянулся вдоль широкой тропы, идущей по склону горы. И деваться с нее было некуда. Так что как только японские минометчики пристреляются, смерть начнет собирать среди ребят свою обильную жатву. Мастер-сержант несколько мгновений молча размышлял, отчаянно морща лоб, затем развернулся и начал лихорадочно связывать очередной заряд. Луи так же молча смотрел на него.

– Веревку, – бросил Банг, вешая подготовленный заряд себе на руку за веревочную петлю.

– Что ты задумал?

– Спустишь меня на ней вниз, а уж оттуда я сумею зашвырнуть взрывчатку прямо в глотку макакам.

– Да ты с ума сошел! – ахнул Луи. – Тебя же подстрелят, едва ты высунешься за обрез скалы!

– Не подстрелят. Видишь – стрелять уже перестали. Думают, что мы здесь забились в щелку и будем сидеть до конца боя. Так что проскочу. А вот если ребята будут все так же торчать на этой тропе, желтожопые положат полбатальона.

Луи несколько мгновений не отрываясь смотрел на Банга, а потом вдруг вскинул руки и потянул через голову форменную куртку.

– Ты что? – удивился мастер-сержант, увидев, как итальянец тесаком отхватил от нее оба рукава.

– Вот, возьми, обматывай ладони. Да потолще мотай, в несколько слоев. Потом возьмешь веревку и будешь пропускать ее в руках, а ногами отталкиваться от выступов скалы. Так быстрее получится. Понял?

Банг кивнул и, ухватив веревку, конец которой Луи торопливо обматывал вокруг ровного выступа скалы, протянул ему зажигалку. Луи непонимающе уставился на мастер-сержанта.

– Подожди заряд, – сурово приказал ему Банг и пояснил: – Внизу может не хватить на это времени... или возможностей.

Итальянец понял. Чтобы поджечь заряд, а затем метнуть его в дот, требуются две руки. Но не факт, что к тому моменту как мастер-сержант окажется внизу, они обе будут у него в рабочем состоянии...

– Ну, с Богом, – напутствовал его Луи.

– Не уверен, что у нас с тобой он один и тот же, – отозвался Банг.

– Ну, ты молись своему, а я помолюсь за тебя перед своим, – ухмыльнулся итальянец. После чего щелкнул зажигалкой и сразу же налег всем телом на свой конец веревки.

Несмотря на намотанные на руки рукава форменной куртки Луи, у самой земли мастер-сержант выпустил веревку, довольно чувствительно ударившись о землю ступнями. Потому что в конце спуска ладони припекло так, что он едва не взвыл. Но как бы там ни было, он стоял на земле, цел и невредим. А прямо перед ним зиял узкий ход, в котором виднелись потные спины японских пулеметчиков. Банг радостно оскалился и сорвал с руки заряд с догорающим бикфордовым шнуром.

– Банзай!

Банг размахнулся и скошил глаза. Прямо к нему неся японец, выставив вперед свою «арисаку» с примкнутым штыком. Он был близко, очень близко, так что мастер-сержант мог успеть сделать что-либо одно – или отскочить в сторону, или швырнуть заряд. И... Банг нагло ухмыльнулся в перекошенное узкоглазое лицо, а затем, с выдохом, как когда-то он швырял мяч в школьной бейсбольной команде, метнул заряд в узкий зев хода сообщения дота...

Глава 2

– Как будто и войны нет, – задумчиво произнес высокий, ростом за сто девяносто сантиметров, молодой мужчина со шрамом на лице, одетый в гражданское. Стоявший рядом с ним офицер в немецкой военной форме кивнул:

– Да, солнце, тишина и живописные будапештские улочки...

Рослый хмыкнул:

– Да, живописные и, на наше счастье, совершенно безлюдные. Будем надеяться, что и дальше нам будет так же везти. Ребята уже на месте, фон Фолькерсам?

Если бы у сторонних наблюдателей возник вопрос об отношениях этих двоих, он был бы мгновенно снят, ибо то, как подобрался офицер, отвечая человеку в штатском, сразу показало, что рослый мужчина со шрамом, несмотря на гражданскую одежду, несомненно его командир.

– Так точно, герр майор. Рота заняла позиции в аллее неподалеку, а ваш шофер и унтер-офицер Гагге в форме люфтваффе уже расположились на скамейке в сквере, который занимает большую часть площади. Все на местах.

– Ну-ну, не так официально, капитан, – добродушно усмехнулся рослый. – Значит, и мне пора выдвигаться. Будем надеяться, что все обойдется без стрельбы. Во всяком случае, еще раз повтори мой приказ ребятам – не стрелять до крайней возможности. Если что, именно я открываю огонь первым. Понятно?

– Да, Отто! – коротко кивнул военный. Несмотря на вроде как озвученное разрешение рослого обойтись без официоза, он позволил себе лишь такое скромное проявление фамильярности.

Рослый пожал руку капитану и, развернувшись, зашагал к «мерседесу», припаркованному в трех шагах от них. Ловко уместив свое крупное тело в водительском кресле автомобиля, он завел двигатель и, умело развернувшись, двинулся вниз по улочке. Капитан фон Фолькерсам проводил его взглядом. С этой стороны за успех можно было не беспокоиться: его командир отлично водил машину.

Между тем «мерседес» выехал на площадь и, обогнув сквер, где на лавочке, вальяжно развалившись, сидели двое мужчин в немецкой военной форме, при взгляде на которых любой бы сразу понял, что парни в увольнительной, затормозил и довольно неуклюже подкатил к бровке, перекрыв при этом путь двум припаркованным у неприметного дома автомобилям – легковушке и грузовику с эмблемой Гонведшега¹. Причина подобной неуклюжести стала понятна спустя минуту, когда «мерседес» остановился, после чего из него вылез рослый, покачивая головой, обошел машину и поднял капот. Насторожившийся было шофер грузовика понимающе усмехнулся. Ну да, понятно, красавчик-неумеха из числа «мажоров», на что ясно указывают и отличный костюм незадачливого водителя, и марка, и модель автомобиля, попал в неприятную ситуацию. Можно было ожидать, что спустя некоторое время, попробовав традиционные средства «мажоров» – ну там постучать по колесу, протереть стекло или поправить зеркало, – этот богатенький повеса, которому самое место в окопах (вон какой здоровый!) и который благодаря деньгам и влиянию папаши избежал этой участи, отправится к нему просить помощи...

Еще какое-то время ничто не нарушало безмятежное спокойствие площади. Рослый «мажор» ковырялся в моторе, едва слышно поругиваясь себе под нос, водитель грузовика насмешливо пялился на него, двое немцев в скверике наслаждались теплым солнечным днем, но затем из крытого брезентом кузова грузовика прыгнули два офицера в венгерской военной форме и, одернув кители, двинулись к скверу. Рослый на мгновение оторвался от мотора «мер-

¹ Гонведшег – Венгерская армия. (Примеч. ред.)

седеса», бросил в сторону венгров быстрый взгляд и снова склонился над двигателем. Водитель грузовика нахмурился. Взгляд рослого ему как-то не понравился: уж слишком внимательный для того, кто должен быть сосредоточен на своей поломке. Однако никаких выводов из этого он сделать не успел, потому что в следующее мгновение из дома напротив показались двое немцев в форме полевой жандармерии и с решительным видом зашагали к дому, у которого были припаркованы все три машины.

Едва немцы приблизились к подъезду, из кузова грузовика раздалась очередь из пистолета-пулемета, кровавой строчкой перечеркнула шедшего последним жандарма. Он на мгновение замер и осел на брусчатку, словно тряпичная кукла. В то же мгновение все вокруг пришло в движение. Второй жандарм, уже поднявший руку, чтобы требовательно постучать в дверь, бросился к товарищу. Двое венгерских офицеров, прогуливавшихся по скверу, выхватили пистолеты и бросились вперед, стреляя на ходу по жандармам. В ответ на это рослый «мажор», копавшийся в двигателе «мерседеса», тоже выхватил револьвер и открыл огонь по приближающимся венграм, громко ругаясь по-немецки, что тут же устранило всякие сомнения в его национальной принадлежности. На него тотчас перенес прицел автоматчик, продолжавший стрелять из кузова грузовика. По автоматчику открыли огонь двое немецких солдат, до того сидевших на лавочке в сквере. Сейчас они вскочили, кинулись к водителю «мерседеса», и автоматчик сразу отвлекся на них...

Огневое преимущество в этой схватке явно оказалось на стороне венгров. Против четырех немецких пистолетов и револьверов венгры выставили пять пистолетов и пистолет-пулемет. Так что уже через несколько секунд один из подбегавших немцев получил в бедро пулю из пистолета-пулемета и, хотя не упал, но захромал, резко снизив скорость. Спрятавшийся за открытой дверцей «мерседеса» рослый, на мгновение прервавшийся, чтобы подать громкий сигнал свистком, извлеченным из кармана пиджака, перенес огонь на кузов грузовика, стараясь если не пристрелить, то хотя бы отвлечь автоматчика. И это ему удалось. Автоматчик перестал поливать свинцом немцев, приближающихся со стороны сквера, и переключился на «мерседес», за минуту превратив его бока в решето. Однако положение немцев любой сторонний наблюдатель явно назвал бы критическим. Еще несколько минут такой перестрелки, и с ними будет покончено...

Но тут из ближайшего переулочка послышался гулкий топот. Спустя несколько мгновений на площадь начали выскакивать солдаты в пятнистых комбинезонах войск СС, возглавляемые тем самым капитаном фон Фолькерсамом, с которым рослый беседовал перед тем, как сесть в «мерседес» и отправиться на эту площадь. И положение сторон тотчас изменилось на сто восемьдесят градусов. Венгры, огрызаясь редкими выстрелами и короткими очередями, ретировались под арку соседнего дома. Рослый, до того момента под плотным огнем противника рисковавший только на долю секунды высунуть голову из-за «мерседеса», на этот раз приподнялся и окинул цепким взглядом всю картину. А затем коротко пролаял приказ. Сразу после этого все трое оставшихся на ногах немцев из числа той пятерки, что первой вступила в бой, подхватили под руки тяжело раненного жандарма и второго, с пулей в бедре, и, рывком преодолев десяток метров, отделявших их от дверей, куда собирался постучать жандарм, перед тем как венгры открыли огонь, ввалились в дом. Хлипкий замок не выдержал мощного удара ноги рослого, так что у дверей они задержались всего лишь на долю секунды...

Подошедшее к немцам подкрепление между тем довольно умело рассредоточилось по площади, используя в качестве укрытий углы домов, массивные боковины лавочек, чугунные и бетонные вазоны, даже бордюры, и непрерывно поливало огнем арку того дома, в котором скрылись венгры, а также его окна. Так что ответный огонь венгров практически иссяк.

И в это мгновение с едва слышным в грохоте выстрелов скрипом распахнулись окна второго этажа того дома, куда вломились пятеро немцев, первыми вступившие в бой. Стрельба

прекратилась. Кого бы немцы ни собирались захватить в этом доме, похоже, он сейчас попытается прорваться. Руководителю операции необходимо принять быстрое и точное решение...

А в следующее мгновение из вышибленных ногой рослого дверей вылетела граната, взрыв которой обрушил арку и створки кованых ажурных ворот, ведущих во двор. И это означало, что, если даже беглецы выпрыгнут из окна второго этажа, быстро выбраться на площадь и воспользоваться какой-нибудь из трех стоящих у дома машин они не успеют...

Спустя пять минут из дверей на площадь, которую уже полностью контролировали эсэсовцы, вынесли два отчаянно брыкающихся тела, завернутых в ковры, и закинули их в кузов грузовика с эмблемой Гонведшега. Рослый, появившийся из дома вместе с людьми, несущими тюки, жестом подозвал к себе капитана, командовавшего эсэсовцами:

– Отлично, фон Фолькерсам. Вы очень вовремя. Операция закончена. Сажайте людей в грузовики и побыстрее увозите их отсюда, пока венгры не опомнились.

– А вы, герр майор?

– Я? – Рослый ухмыльнулся. – Я на всякий случай провожу ребят с нашим призом. Ну, мало ли что... У тебя же была еще одна легковая машина?

Капитан понимающе усмехнулся и кивнул в сторону, откуда слышалось завывание моторов:

– Да, «Опель-Капитан». Мой шофер сейчас должен подогнать ее вместе с грузовиками для роты.

– Вот и отлично. Я возьму твой «опель». А ты скажи своему шоферу, чтобы глянул, как там мой «мерседес». Если сможет стронуться с места – захватите, а если нет – не задерживайтесь. К тому моменту, как наши ребята загрузятся в кузова, здесь не должно остаться никого из наших. Понятно?

– Так точно, герр майор!

Через две минуты грузовик и «Опель-Капитан» тронулись с площади. Однако едва они успели проскочить пару узких улочек и выехать на очередную небольшую площадь, рослый глухо выругался: навстречу им быстрым шагом двигались не менее трех рот Гонведшега, явно привлеченные яростной перестрелкой. В голове майора промелькнула картина, как венгры выбегают на оставленную ими площадь и открывают огонь по его парням, сидящим в грузовиках и потому лишенным возможности маневра. Он решительно крутанул руль, перекрывая движение колонне венгров.

– Кто здесь старший? – рявкнул он, вылезая из кабины и натягивая на лицо самое наглое из доступных ему выражений.

Следовавший во главе колонны венгерский офицер встал как вкопанный и развернулся к рослому.

– В чем дело? – произнес венгр на не очень правильном, но вполне понятном немецком.

– Остановите ваших людей. Там, наверху, неопишущая сумятица! Никто не знает, что происходит. На вашем месте я сначала сходил бы посмотреть сам.

Офицер нахмурился и отдал громкую команду на венгерском, отчего колонна солдат остановилась. Венгр, наморщив лоб, бросал взгляды то вверх по улице, куда они двигались до остановки, то на этого немца, столь внезапно возникшего на его пути, но рослому было наплевать. Он стоял рядом, с затаенной радостью считая, как мчатся мгновения. Вот прошло десять секунд, двадцать, минута... Еще немного – и его ребята беспрепятственно уберутся с площади.

– Кто вы такой? – наконец спросил венгр.

Рослый развел руками:

– Просто проезжал мимо. Извините, я спешу. – Он широко улыбнулся и ловко вбросил свое крупное тело в салон не слишком-то большого автомобиля. Спустя еще полминуты об

«Опель-Капитане» напоминала только медленно развеивавшаяся вонь от не слишком качественного бензина...

* * *

– Поздравляю с успехом, мой дорогой Отто! – такими словами поприветствовал рослого майора, уже переодевшегося в форму, генерал Венк, когда тот вошел в его кабинет, располагавшийся в отеле на вершине одного из многочисленных холмов Будапешта. – Вы взяли и эмиссаров Тито, и Николаса фон Хорти, сына регента, и его друга Бронемца. Отличная работа!

Майор склонил голову:

– Благодарю вас, мой генерал. Как на это отреагировал адмирал Хорти?

– Пока неизвестно, – сдержанно отозвался Венк. – Но положение явно обострится. Некоторое время назад мне звонил наш военный атташе. Он пытался выехать из Замка на Горе, но всюду наткнулся на венгерские посты, которые не разрешали ему проезд. Так что он вынужден был вернуться в посольство. А сейчас, похоже, прервалась и телефонная связь.

– Мне представляется, что это уже можно рассматривать как «недружественный акт», – хищно усмехнулся майор.

– О да, – кивнул генерал. – И обергруппенфюрер так жаждет использовать свою «малышку»...

Собеседники понимающе переглянулись. Обергруппенфюрер СС Бен-Залевски, присланный в Будапешт Генеральным штабом фюрера, а до этого крайне жестоко подавивший восстание поляков в Варшаве, приволок за собой огромную мортиру калибра шестьдесят пять сантиметров, которую до того момента использовали только против мощных казематов Севастополя и, собственно, в подавлении варшавского восстания. Теперь он просто мечтал обрушить ее мощь на венгров. Но большинство офицеров и генералов из командования немецких частей, расквартированных в Будапеште, из всех сил противились этому. Ибо, если до использования чудовищного орудия сохранялась возможность заставить адмирала Хорти и его правительство отказаться от планируемого ими сепаратного мира с русскими, который мгновенно ставил под удар дислоцированную в Венгрии миллионную немецкую армию, то вступившая в дело «малышка» обергруппенфюрера уже никаких шансов на восстановление нормальных отношений с венграми не оставит.

– Ну, будем надеяться, что, если даже обстановка максимально обострится, ваши парни, мой дорогой Отто, справятся с ситуацией без привлечения столь «тяжелых» аргументов.

– Мы сделаем все, что в наших силах, господин генерал!

Следующие несколько часов прошли в ожидании, но в четырнадцать часов в штабе появился обергруппенфюрер Бен-Залевски. В его глазах горело мрачное торжество.

– Ну наконец-то! Наконец-то эти мадьяры показали свое истинное лицо! Вот полюбуемся! – Он взмахнул каким-то листком.

– Что это? – спокойно спросил генерал Венк, протягивая к листку руку.

– Это подтверждение моего мнения о предательстве адмирала. Вот полюбуемся – по венгерскому радио сообщают, что Венгрия только что заключила сепаратный мир с Россией! – Бен-Залевски резко развернулся к майору. – Надеюсь, теперь ни у кого нет возражений против самых беспощадных мер, которые следует немедленно применить к венграм? Если они откроют русским проходы в Карпатах, весь южный фланг наших войск ожидает катастрофа!

Майор промолчал, лишь бросил красноречивый взгляд на генерала Венка. Тот несколько мгновений разглядывал текст на листке, который с таким пафосом швырнул на стол обергруппенфюрер, а затем осторожно произнес:

– И все-таки я пока против наиболее жестких мер. Предлагаю на первом этапе объявить тревогу в городе и окружить Будберг нашими частями. Например, двадцать второй дивизией СС. А также занять вокзалы, почту, телеграф, телефонные и радиостанции и важнейшие общественные здания... Майор Скорцени!

– Да, герр генерал!

– Вы готовы приступить к вашей операции немедленно?

Майор выпрямился во весь свой немалый рост.

– Конечно, герр генерал, но... – Он бросил настороженный взгляд на обергруппенфюрера, однако решил продолжить: – Я бы с ней не торопился. Сначала стоило бы выяснить настроения венгерских частей на фронте. Если венгры повсеместно настроены на капитуляцию, захват Замка на Горе ничего нам не даст, кроме обострения отношений. И тогда нам все равно придется выводить войска из страны, но уже под огнем венгров, ставших нашими противниками. Если же эти настроения пока ограничены самим Будбергом – все еще можно изменить.

Генерал Венк кивнул:

– Да, пожалуй... Я немедленно распоряжусь отправить делегата связи к венгерскому командованию на Карпатском фронте. Думаю, мы будем иметь необходимую информацию уже к вечеру сегодняшнего дня. В крайнем случае – завтра утром. Вы будете готовы к атаке утром?

– Так точно, герр генерал.

Обергруппенфюрер сердито насутился:

– Я гляжу, вы тут спелись! Стыдно, майор. Вы же начинали в СС, откуда столь непонятная мягкотелость?

Отто Скорцени зло нахмурился:

– Я всего лишь стараюсь с максимальной эффективностью выполнить задачу, поставленную передо мной фюрером. А она заключается в том, чтобы сохранить венгров в числе наших союзников, а не дополнить ими число наших противников. Расстреливая венгров направо и налево и разрушая их столицу, мы вряд ли добьемся этой цели.

Бен-Залевски смерил оппонента злобным взглядом и, резко развернувшись, двинулся к двери. У порога он остановился и раздраженно произнес:

– Хорошо, я даю вам два дня. Если за это время вы не добьетесь результата, я начну действовать теми методами, которые уже доказали свою эффективность.

Вечером пришло сообщение, что направленный на Карпатский фронт делегат связи опоздал: командующий венгерскими войсками вместе со своими офицерами и секретарями успел перейти к русским. Однако к обоюдному удивлению, ни объявление капитуляции, ни бегство командования почти никак не отразились на настроении венгерских частей. Делегат связи докладывал, что практически повсеместно венгерские части продолжают удерживать позиции. Но все могло измениться, если в войска из штаба Гонведшега поступил бы новый приказ о капитуляции. Штурм Замка на Горе становился неминуем...

– Итак, подведем итоги... – Голос майора Скорцени, склонившегося над туристским планом центральной части Будапешта, густо покрытым карандашными значками, образовавшими поверх него как бы вторую, гораздо более подробную и точную карту, был глух и напряжен. – Мы наносим концентрический удар одновременно несколькими отрядами. Нас усилили ротой танков «Пантера» и ротой новейших танков «Голиаф». Последние, по существу, – сухопутные торпеды, поскольку управляются дистанционно и имеют в передней части заряд мощной взрывчатки. Отличное средство для преодоления баррикад и проделывания проломов в стенах. Батальон венских курсантов начнет движение по садам, покрывающим южный склон Горы. Задача сложная, поскольку там обнаружено несколько пулеметных огневых точек. Один из отрядов моего особого батальона, поддерживаемый танком, нанесет удар вдоль по западной подъездной рампе, чтобы захватить один из боковых въездов в Замок. Часть 600-го батальона

парашютистов СС пройдет по туннелю, выкопанному под подъемным мостом, и просочится в здания, в которых находятся военное министерство и министерство внутренних дел. Остальные люди из моего батальона, основная часть батальона парашютистов СС, четыре танка, а также «Голиафы» останутся под моим началом для атаки на Венские ворота и Замок. Что же касается парашютистов из люфтваффе, то я их оставляю в резерве на случай непредвиденных осложнений. Начало атаки – шесть утра. Вопросы?

– Герр майор!

Рослый разогнулся. Его окликнули из коридора. И судя по тому, что он велел охране не отвлекать его от совещания, если не возникнут какие-то серьезные причины, таковые причины возникли.

– Я сейчас, – бросил он своим офицерам...

Вернулся майор Скорцени спустя почти два часа.

– Прибыл венгерский генерал из военного министерства, чтобы вступить с нами в переговоры. Похоже, они и сами смущены таким резким поворотом Хорти по отношению к нам, так что наша встреча прошла в почти дружеской обстановке. Хотя я сказал ему, что не вижу смысла ни в каких переговорах, пока регент не аннулирует свой сепаратный мир с Россией.

– Это как-то повлияет на наши планы, герр майор?

Рослый усмехнулся:

– Я думаю, нет. Я в принципе назначил срок, к которому венгры должны в знак серьезных намерений нормализовать обстановку, убрать все мины и баррикады, преграждающие движение по Венскому шоссе, и снять ограничения на передвижение сотрудников нашего посольства, но я бы не очень рассчитывал на то, что они исполняют наши требования. Хотя, судя по настроению этого венгра, они не нацелены на жесткую конфронтацию с нами. И это дает нам шанс захватить правительственный квартал с наименьшими потерями. Что очень хорошо. Ибо чем больше трупов между нами и венграми, тем сложнее достигнуть примирения. А именно оно – наша главная цель. Так что открывать огонь – только в ответ. И старайтесь просто связать венгров огнем, по возможности не убивая их. Все понятно?

– Так точно!

– И вот еще что... – Отто наморщил лоб, задумчиво пожевал губами, а затем решительно произнес: – Мой отряд двинется вверх на грузовиках, колонной.

Офицеры переглянулись. Если венгры откроют огонь, солдатам в грузовиках не поздоровится. Майор вздохнул:

– Понимаю всё... Но это шанс быстро добраться до цели. Если мы двинемся цепью, то венгры почти неминуемо откроют огонь, а так... есть шанс. К тому же в моей колонне пойдут танки. Надеюсь, вид наших «Пантер» сможет остудить немногие горячие головы.

– Если их действительно будет немного, – едва слышно пробормотал капитан фон Фолькерсам.

До половины шестого утра никто не ложился. Темная громада Будберга молчаливо вышлась на фоне светлеющего неба. В пять сорок пять Отто Скорцени подошел к грузовику, стоявшему в голове колонны, и, вспрыгнув на колесо, заглянул в кузов:

– Ну как вы тут?

– Все в порядке, герр майор, – отозвался один из пятерых унтер-офицеров, сидевших в кузове. Кроме обычного вооружения, принятого в особом батальоне майора и состоящего из пистолета-пулемета и гранат, каждый из унтер-офицеров был вооружен новейшим оружием под названием фауст-патрон. И всем было интересно, как покажет себя новое оружие, объявленное доктором Геббельсом истинным вундерваффе², призванным остановить русские танки. Как там сложится с русскими танками, пока было непонятно, но вот шанс испытать фауст-

² Вундерваффе – чудо-оружие (нем.). (Примеч. ред.)

патроны на венгерских сегодня мог вполне представиться. А если вундерваффе окажется очередной выдумкой доктора Геббельса – что ж, на этот случай у них есть старые добрые связки гранат...

Майор вскинул к глазам запястье левой руки, на котором блеснул браслет часов. Пять пятьдесят девять. Пора. Он развернулся к колонне и сделал круговой жест. Спустя несколько мгновений взревели моторы грузовиков, и почти сразу в гул автомобильных моторов вплелся рев танков. Еще через десять секунд колонна медленно, поскольку дорога вела круто вверх, тронулась в путь.

Отто сидел рядом с водителем первого грузовика, напряженно вслушиваясь и время от времени высываясь из окна и бросая напряженный взгляд назад, на колонну. Только бы не нарваться на мину. Неспешно приближалась массивная арка Венских ворот. Ворота были перегорожены баррикадой, в середине которой оставлен проход. Рядом темнели силуэты венгерских солдат.

– Прямо, – глухо приказал майор, осторожно извлекая из кобуры револьвер, который он предпочитал и вальтеру, и парабеллуму.

Водитель чуть надавил на газ. Венгры до самого последнего момента продолжали оставаться на местах, молча смотрели на приближающийся грузовик, а затем, все так же не проронив ни звука, сделали по шагу назад, освобождая проход. Майор шумно выдохнул и расслабил руку, державшую пистолет. Пока все идет как хотелось...

Когда колонна преодолела крутой подъем, справа показалась казарма Гонведшега, перед воротами которой, защищенные баррикадой из мешков с песком, были установлены два пулемета. Майор нервно сглотнул. Кинжальный огонь из пулеметов по кузовам грузовиков, переполненным солдатами, защищенными всего лишь тонким брезентом, мог бы в пару минут покончить со всей его колонной. Но пулеметы остались позади, так и не сделав ни единого выстрела. До Замка еще едва ли километр... И вдруг раздался глухой взрыв, затем второй. Похоже, это парашютисты СС пробивают себе дорогу по тоннелю. Майор напрягся, прислушиваясь, не взорвется ли утро грохотом автоматных и пулеметных очередей. Но все было тихо. В этот момент колонна выскочила на площадь перед Замком. Там, грозно направив дула на колонну, замерли три венгерских танка. Секунда, другая... и тут первый из венгерских танков медленно поднимает орудие вверх, показывая, что не будет стрелять! Есть!

Перед замковыми воротами высится баррикада из строительного камня высотой несколько метров. Майор коротко командует водителю, приказывая остановиться, открывает дверь и выпрыгивает из еще не до конца остановившейся машины. Его рослая фигура отлично видна защитникам баррикады на фоне уже совсем светлого неба, но со стороны Замка не доносится ни единого выстрела. Майор понимающе хмыкает. Что ж, если так, то и мы будем по-немецки вежливы... Он подскакивает к следующей за его грузовиком «Пантере» и бьет рукояткой пистолета по башне.

– Эй, там, внутри!

– Слушаю, герр майор, – почти сразу отзывается танкист, высунув голову из башенного люка.

– Можешь снести эту баррикаду?

Танкист окидывает командира операции недоуменным взглядом. Зачем? Ведь «Голиафы» следуют в колонне как раз для такого случая – один залп, и всё... Но затем его лицо озаряет понимание: раз венгры не стреляют по ним, значит, и им самим не стоит начинать боевые действия.

– Так точно, герр майор. Сделаю.

«Пантера», взревев двигателем и выплюнув струю черного дыма, устремляется на баррикаду. Майор сопровождает ее взглядом, а когда стальная громада ударом своих сорока с

лишним тонн выносит преграду из проема ворот, оборачивается к грузовикам и командует высадку. Все, прогулка на колесах закончена. Теперь дело за ногами...

Сквозь ворота они просачиваются по обеим сторонам «Пантеры» – та замерла в проеме, грозно поводя длинным дулом пушки. Уже в дверях навстречу попадает какой-то венгерский полковник, пытается вскинуть револьвер и открыть стрельбу. Но капитан фон Фолькерсам ударом плеча опрокидывает его на пол. Все идет по плану. Никакой стрельбы, пока командир не разрешил... Солдаты во главе с майором быстро взлетают на второй этаж, но едва лишь они вступают в коридор, из-за ближайшей двери раздаются пулеметные очереди. Судя по звуку и по тому, что пули не хлещут по коридору, стреляют по кому-то на улице. Унтер-офицер Хольцер плечом вышибает дверь и, сделав громадный прыжок вперед, хватает пулемет, выкидывает его в окно. Пулеметчик, лежавший за пулеметом на столе, придвинутом к самому окну, оторопело падает на пол и изумленно пялится на бегущих по коридору немцев. Между тем майор громко командует какому-то венгерскому лейтенанту, высунувшемуся на шум из двери, вереницы которых тянутся по обеим сторонам коридора:

– Немедленно ведите нас к коменданту Замка!

Венгр на мгновение оторопело замирает, но затем под требовательным взглядом майора послушно покидает свое убежище и устремляется по коридору. Замок заполняется топотом и приглушенными командами на немецком. Наконец лейтенант останавливается у высокой двустворчатой двери. Майор быстрыми жестами отсылает несколько солдат занять позиции в обоих концах коридора и решительно распахивает дверь. Навстречу ему, едва не столкнувшись лоб в лоб, выскакивает генерал Гонведшега.

– Полагаю, вы комендант Замка? Требую у вас немедленной капитуляции! Вы один будете ответственны за кровь, которая может напрасно пролиться, если вы откажетесь сдаться. Пожалуйста, потрудитесь принять решение сейчас же.

Генерал ошеломленно замирает. И в этот момент раздаются выстрелы...

Глава 3

– Товарищу старший лейтенант!

Старший лейтенант Воробьев с силой воткнул лопату в глинистый бруствер и обернулся, вытирая рукой обильно выступивший на лице пот.

– Что, Перебийнос?

– Так я... это... – Старшина машинально поправил свой ППС (единственный, кстати, в роте), к которому он относился с нескрываемым трепетом. – Доложить треба.

– Обнаружили чего?

– Точно так, товарищу старший лейтенант, – кивнул старшина. Своего ротного он уважал. Правильный мужик. Хоть и молодой, а нахлебался всего и много. И сам в разведчиках отходил. Восемь раз в тыл фашистам забрасывали. Дважды похоронка домой приходила. И на снайперском счету у этого фронтового производства старшего лейтенанта, получившего первую, младлеевскую звездочку на погоны еще в ноябре 1941-го, было девяносто четыре фашиста. Шестерых не хватило до Героя...³ – Немчура уже на том берегу.

– Уверен? – Воробьев развернулся в сторону блестящей за кукурузным полем ленты реки, прекрасно видимой с этой небольшой высоты, где его рота торопливо окапывалась. Сразу за рекой тянулось кукурузное поле, за которым начинался лес. Ну, по местным меркам. В его родной Рязани это считалось бы в лучшем случае перелеском...

– Ось там, товарищу старший лейтенант, – начал доклад старшина, указывая рукой, – птицы дюже гамкали. А туточка треск слышен был. Вроде как кто ветки ломал. И будто б пилы слышно. Но сторожко так, тихонько пилють...

– И вы с этой стороны слышали? – недоверчиво переспросил Воробьев.

Старшина замялся.

– Ну... почти, товарищу старший лейтенант.

– На ту сторону плавали? – нахмурился командир роты. – Я ж запретил.

– Та мы так, тихонько, – потупился старшина, – трохи-трохи... Та и не зазя ж. Я ж еще главного не боял. Вон на тому бугорку стеклышки сверкали.

– Стеклышки? – насторожился Воробьев.

– Точно так, товарищу командир, стеклышки.

– А откуда засек?

– Ось оттуда...

Старший лейтенант Воробьев некоторое время всматривался в противоположный берег, прикрываясь от солнца ладонью. День клонился к концу, поэтому солнце било прямо в глаза и ничего разглядеть на противоположном, западном берегу реки было нельзя. В принципе немцы прорывались из котла как раз на запад, и, по идее, солнце должно было бы находиться за спиной бойцов его роты, но именно в этом месте отроги Карпат делали финт, вследствие которого выход фашистов к перевалу был возможен только фланговым маневром. Так что на этот раз природа оказалась за фашистов. Не то, что зимой сорок первого. Но русских в сорок четвертом уже было никак не смутить подобными вывертами...

Ротный опустил ладонь и витиевато выругался. Перебийнос уважительно качнул головой. Старший лейтенант Воробьев ругался очень редко, а подобную семиэтажную конструкцию старшина слышал от него в первый раз. Нет, причины для ругани он понимал ясно. На таком расстоянии и при подобном угле падения солнечных лучей стеклышки, замеченные в указанном старшиной месте, означали отнюдь не очки, даже не бинокль и не прицел снайпер-

³ Снайпер, уничтоживший сто немецко-фашистских оккупантов, представлялся к званию Героя Советского Союза. (Примеч. авт.)

ской винтовки, а стереотрубу. И это означало, что противник не только уже рядом, но еще и обладает поддержкой артиллерии. Так что отрытые ротой окопы и вообще весь район обороны окажутся слабой защитой. Лучше, чем никакой, конечно, но слабой – от немецких-то 10,5-сантиметровых гаубиц и при отсутствии своей артиллерии, способной вести контрбатарейную борьбу, что означало возможность для немцев подтянуть свои орудия максимально близко к переднему краю и садить снаряды прямо в их не слишком глубокие окопы. Полный-то профиль они отрыть точно не успеют... Этак потеряют от трети до половины личного состава еще до начала немецкой атаки. А фрицев на них перло до черта.

– Ладно, – переходя с командного на литературный русский, закончил свою тираду ротный. – Понятно все. Ты давай-ка, старшина, пришли ко мне командиров взводов, а сам переходи пока. Часок. А потом у меня для тебя работа будет.

Старшина степенно кивнул и быстро, но этак небрежно, вразвалочку, ну как положено разведке, двинулся вниз по склону небольшого холма, на котором ротный вместе со всеми трудился над оборудованием своего КНП. Траншеи взводов располагались метров на шестьдесят ниже по склону, а ход сообщения они уже точно отрыть не успеют.

Приказ остановить прорыв немцев, пробивающихся из котла на запад, к американцам, поступил старшему лейтенанту Воробьеву в полдень. Его рота, выдвигающаяся вослед ушедшей далеко вперед 72-й Гвардейской стрелковой дивизии Красной Армии, как раз остановилась на привал в румынской деревеньке. Ротный с взводом управления расположился в деревенском гаштете, остальные подразделения рассосались по окрестным дворам. Немецкой авиации особенно не опасались, но светиться на улице ротный своих бойцов давно отучил (сам-то он приобрел эту привычку уже давно, в тяжелом и страшном сорок первом)...

* * *

...Только успели сесть, опрокинуть первый стакан слабенького румынского домашнего вина, закусить куском колбасы и ложкой мамалыги, как на стойке гаштета затрезвонил телефон. Заросший до бровей густым черным волосом трактирщик, все это время опасливо поглядывавший на расположившихся за столами его заведения солдат, ошарашенно вскинулся и, бросив на русских еще один опасливый взгляд, протянул руку к телефону.

– Ты гляди, – поразился младший лейтенант Ковалевич, командир взвода ротных минометов, – телефон у них тут.

– Так это ж, товарищу младший лейтенант, – отозвался командир разведчиков старшина Перебийнос, – туточки фольварк рядышком. Мабуть, оттуда провели.

– Уже пошарил? – прищурился ротный, сразу же верно оценив озвученную разведчиком информацию.

– Та трохи, – смутился старшина. – И нету там ничего. Всё кляты фрицы вже пограбили. Даж патефону немає.

– А был? – усмехнулся ротный замполит.

– Пластинки е, значить был, – поделился старшина выводом из оценки оперативной обстановки.

Но тут у столика нарисовался испуганный трактирщик и взволнованно залопотал по-своему, размахивая руками.

– Чего это он? – недоуменно произнес замполит. – Денег, что ль, требует? Так мы... это...

– Погоди, – прервал его ротный, – чего-то он в сторону телефона пальцами тычет. Может, меня?

Замполит рассмеялся:

– Да ты что, Иван? Ну кто мог знать, что мы остановимся на обеденный привал в этой деревушке? Их же здесь до черта. Через пару верст следующая будет.

Но старший лейтенант уже поднялся из-за стола и решительным шагом направился к лежащей на стойке трубке телефонного аппарата.

– Слушаю.

– Командующий 52-й армией генерал-лейтенант Коротеев. С кем я говорю?

Ротный ответил не сразу. Представившийся генерал действительно носил фамилию командующего 52-й армией, соседней с той, в которую входила 72-я Гвардейская стрелковая дивизия, чей тыл и был вверен под охрану их 239-му батальону НКВД. Но самого генерала Коротеева старший лейтенант Воробьев никогда не видел и голоса его не слышал. Так что первой его реакцией было – провокация!.. Но с другой стороны, какая-то глупая провокация получается. Командующий армией выходит на связь с командиром роты – нелепость! Слишком далеки уровни подчиненности. Может, чья-то шутка?.. Да тоже какая-то глупая.

И он решил не спешить с выводами.

– Командир первой роты 239-го отдельного батальона войск НКВД старший лейтенант Воробьев.

– НКВД... Вот, значит, как. – Голос в трубке прозвучал немного смущенно, но затем вновь набрал уверенность: – Вот что, старший лейтенант, ты с какого года воюешь?

– С сорок первого, товарищ генерал, – осторожно отозвался ротный.

– Ну, значит, опытный. Слушай сюда. Немцы прорвали внутреннее кольцо котла. И двигаются от Поприкази прямо на тебя. Большими силами. Пехота, минометы, бронетранспортеры, возможно даже танки. Хотя авиаразведка их не обнаружила. Никого, кроме тебя, у меня в этом районе нет. Ближайшие подкрепления, которые я смогу перебросить, подойдут только к рассвету. Если ты их не остановишь... – Генерал замолчал.

Ротный переваривал информацию. В принципе останавливать прорвавшиеся войска противника – совершенно не их задача. Они – НКВД, то есть войска охраны тыла. Их задача – ловить диверсантов, шпионов и мелкие группы разбежавшихся гитлеровцев. А тут... С другой стороны, если все так, как говорит этот незнакомый генерал, немцы вполне могут вырваться из котла. И если это произойдет – никто не будет разбираться, НКВД ты или не НКВД и какие перед тобой стоят задачи. Ты – воинское подразделение, на тебя идет враг – стой насмерть. Старшина Воробьев свой первый бой в этой войне принял, поднимая своих бойцов в лобовую атаку на огрызающуюся огнем окраину подмосковного Юхнова. У него-то за спиной уже была финская, которую он начал рядовым, а закончил сержантом, а у его бойцов – вообще никакого опыта. Вот они и залегли, не добежав до окраины несколько десятков метров. Аккурат под бросок фашистских гранат...

– Какова примерная численность прорывающихся?

– Не менее шести тысяч человек.

Воробьев охнул. Шесть тысяч! И это на его полторы сотни бойцов...

– Все понимаю, старший лейтенант, все понимаю... Но больше остановить их просто некому. Совсем некому, слышишь? Уж больно ловко они маршрут отхода выбрали. Если не ты – уйдут фрицы.

Ротный стиснул зубы так, что образовались жесткие желваки.

– Понимаю, товарищ генерал, – тихо проговорил он.

Что ж, если так, то... теперь надо удостовериться, что это действительно так. Приказ, конечно, дело серьезное, но старший лейтенант был опытным волком и потому желал убедиться, что позвонивший ему и правда является советским генералом и командует той армией, о которой говорит. А то мало ли... Может, немец готовит серьезную диверсию в тылах той самой дивизии, за охрану тыла которой и отвечает их батальон, и ему жизненно необходимо на какое-то время отвлечь роту Воробьева от выполнения служебных обязанностей. Немцы на такие финты куда как горазды. И возможностей у них, с тех пор как наступающая Красная

Армия перешла государственные границы СССР, заметно прибавилось. Недаром дивизиям для охраны тыла теперь по батальону НКВД придается. Раньше-то одной ротой обходились...

– А откуда вы узнали, что моя рота находится в этой деревне?

– Да ничего я не знал, старший лейтенант. Нет у нас по докладам тут никаких воинских частей и подразделений. Так что просто посадил переводчика обзванивать все близлежащие деревни, на случай если кого случайно застанем. С тобой вот повезло...

Ротный молча кивнул. Что ж, похоже на правду. Но этого мало.

– А можно попросить вас пригласить начальника особого отдела?

Трубка несколько мгновений молчала. А затем отозвалась:

– Понимаю... Сейчас будет.

Старший лейтенант Воробьев ждал, не оглядываясь на своих, которые совершенно точно навестили уши, прислушиваясь к разговору.

– Начальник особого отдела 52-й армии подполковник Доценко. Слушаю вас.

– Товарищ подполковник, командир первой роты 239-го отдельного батальона войск НКВД старший лейтенант Воробьев. Не могли бы вы назвать мне имя и звание начальника особого отдела 72-й Гвардейской стрелковой дивизии?

Человек на другом конце провода тут же ответил. А затем перебил уже начавшего задавать следующий вопрос ротного:

– Проверяете, старший лейтенант? Правильно. Хвалю. Но у меня тут для вас полное подтверждение имеется. Передаю трубку.

И в следующее мгновение в телефонной трубке зазвучал знакомый хриплый голос:

– Ваня? Птичкин? Жив еще, чертяка?!

– Коля? – Воробьев слегка расслабился. Он узнал говорившего, да и это его прозвище – Птичкин – было известно только близким друзьям и сослуживцам. С младшим лейтенантом Пудлиным они познакомились и подружились в том же страшном сорок первом. Пудлин был командиром батальонного взвода станковых пулеметов их отдельного батальона, а также отчаянным певцом и плясуном. Как, впрочем, и сам Воробьев. Помнится, они тогда выиграли конкурс художественной самодеятельности, который проходил в стоявшем рядом с ними в деревне Кузнецово инженерном батальоне. И заграбастали первый приз – бутылку водки, целый круг домашней колбасы и две буханки пшеничного хлеба. Ох и орал тогда комиссар инженерного батальона, до которого только после того, как они выскочили из деревенского клуба, дошло, что столь жарко ходившие впрыскаду плясуны, одетые, как и все вокруг, в ватники и ушанки, – пришлые, а не его бойцы.

– Точно, – тихо рассмеялся Коля Пудлин.

Ротный пару мгновений помолчал. Похоже, все верно, но шесть тысяч фрицев... Он прикрыл глаза. Что ж, значит, пришел их срок умирать. Ну да он и так старуху с косой три года за нос водил.

– Знаешь? – тихо спросил друга.

– Знаю, Ваня, – глухо отозвался Пудлин. – Сам с подкреплениями иду. Гнать их буду, как... Но раньше рассвета не успеем.

– Понятненько, – резюмировал старший лейтенант. – Ну что ж, передай генералу – будем держаться сколько сможем. А если не удержимся – не обессудьте. – И аккуратно положил трубку на рычаг.

Когда он обернулся, в гагтете царила мертвая тишина. Все сидевшие в зале бойцы и командиры отлично поняли суть состоявшегося разговора. И хотя слов генерала они не слышали, но народ в роте почти сплошь был опытный, воевавший не один год, так что всем все было ясно. Чего не слышали – додумали, основываясь на реакциях ротного.

Воробьев не торопясь подошел к столу и, широким жестом сдвинув в сторону тарелки и стаканы, вытащил из командирской сумки карту, развернул на столе и склонился над ней.

Бойцы так же молча уставились на карту. Некоторое время все рассматривали линии и значки, привычным взглядом военных выуживая из этого непонятного глазу гражданского нагромождения символов и знаков информацию о том, откуда и с какой скоростью приближается их смерть. Сколько приблизительно пройдет времени, прежде чем она появится перед ними. И где ей наиболее неудобно будет заниматься своим черным делом. Потому что именно там и следовало оборудовать позиции... Потом ротный по-прежнему молча кивнул, скорее своим мыслям, чем сидящим рядом бойцам, поднял голову и упер взгляд в ординарца:

– Волобуев, взводных ко мне. – Остальным приказал: – Во двор. Дождемся взводных и на рекогносцировку...

* * *

Старший лейтенант Воробьев выбрался из окопа, который копал, и, нагнувшись, поднял аккуратно сложенную нижнюю рубаху. Пока шла беседа со старшиной Перебийносом, пот высох, так что можно было одеваться. Он не торопясь натянул нижнюю рубаху, гимнастерку, аккуратно затянул ремень и перекинул через плечо портупею, продернув ее под погоном. И все это время его глаза напряженно рассматривали кукурузное поле.

– Товарищ старш лейтенант, командир третьего взв...

Ротный махнул рукой, останавливая доклад младшего лейтенанта Кучкова. Взводный-три в роте был самым молодым, прибыл с пополнением прямо перед началом наступления, поэтому все делал подчеркнуто по уставу, зато частенько упускал то, что ни в каких уставах не упоминается, но для выживания на войне является необходимым. Впрочем, на боеготовности взвода это никак не сказывалось, потому что у Кучкова был довольно опытный «замок»⁴ – сержант Шапиро, с которым старший лейтенант Воробьев воевал с сорок третьего.

– Всё? – коротко скорее даже не спросил, а констатировал ротный, обводя взглядом куцый строй своих офицеров.

– Так точно, – тихо отозвался замполит. Его лицо было слегка напряженным. Он тоже воевал давно и понимал, что еще раз собирать офицеров до того, как рота закончила оборудование опорного пункта, просто так командир не будет. Значит, что-то произошло...

– Давайте-ка, командиры, отойдем в сторонку, вон туда, в балочку, – указал подбородком Воробьев, – а то уж больно мы здесь все как на ладони.

Замполит и командир первого взвода лейтенант Жабий обменялись понимающими взглядами: вот оно, значит, как...

– Значит, так, командиры, – начал ротный, – оборудование опорного пункта продолжаем с той же интенсивностью. До ужина. Ужин сделаем на закате. Старшина понял?

Старшина роты, дюжий степенный сибиряк Провоторов, согласно наклонил голову:

– Да у меня уже все готово, товарищ старший лейтенант. Могу сейчас бойцов покормить...

– Сейчас не надо. На закате, я сказал. Понятно?

– Так точно.

– Вот и ладушки. Далее. Перед ужином все кирки и лопаты оставить на бруствере, будто мы собираемся продолжать оборудование позиций. Но едва только солнце скроется за горизонтом, приказываю оставить по одному отделению, которое будет имитировать продолжение работ, в основном создавая шум, а остальной личный состав вывести из окопов и скрытно, еще раз повторяю – скрытно, – чуть возвысив голос, подчеркнул ротный, – выдвинуть к берегу реки. Где и занять оборону.

– Без оборудования позиций? – удивленно спросил взводный-три.

⁴ «Замок» – жаргонное название заместителя командира взвода, назначаемого из сержантского состава. (Примеч. авт.)

– Без единого звука. Если кто-то не то что лопаткой о камень звякнет, а просто чихнет, разрешаю придушить гада на месте. Понятно?

– Так точно, – слегка сконфуженно отозвался Кучков. А лейтенант Жабий тихо спросил:

– Гаубицы?

Ротный молча кивнул.

– Поня-атно, – задумчиво протянул взводный-один и после короткой паузы задал еще один вопрос: – А не опоздаем?

Воробьев пожал плечами. А что тут ответишь? Может, и опоздаем. А если немцы увидят, что русские уже знают об их присутствии, – точно опоздаем. Они-то пока накапливаются и готовят переправочные средства, рассчитывая накрыть русских внезапным огневым налетом, прижать их к земле, а тем временем переправить свою пехоту на этот берег, дать ей возможность подтянуться поближе, метров на двести, и уж потом атаковать. Поэтому и ныкаются до поры до времени. Если же поймут, что внезапность утеряна, – немедленно откроют огонь. В принципе по всем канонам войны уже должны были бы. Застать пехоту на недооборудованных позициях – для артиллерии самое милое дело. Но эти-то фрицы прорываются из котла – значит, с боеприпасами у них вряд ли густо. Потому и молчат. Берегут боезапас.

– Значит, запоминайте сектора, – спустя пару минут продолжил старший лейтенант. – Третий взвод, занимаете оборону от одинокой ветлы до мшистого валуна... Сидеть! – рявкнул он на молоденького младлея, попытавшегося вскочить, чтобы рассмотреть указанные ему ориентиры. – По пути посмотришь.

– Так точно, – отозвался уже совершенно покрасневший Кучков.

– Вот и хорошо. Второй взвод...

После постановки задачи старший лейтенант Воробьев распустил командиров и неторопливо, вразвалочку, вернулся к своему КНП. Пару минут он молча смотрел, как споро работают бойцы, а потом расстегнул ремень, намереваясь тоже еще поучаствовать в действе, практическая польза от которого после принятых решений стала довольно сомнительной. Но тут сбоку послышался голос старшины Перебийноса:

– А я ось и туточка, товарищу старший лейтенант, та и поснидать вам захватил. Ох и добрую кашу наш старшина наварил, ох и добрую...

Ротный окинул хитроватую рожу командира разведчиков насмешливым взглядом, перевел его на солнечный диск, нижним краем уже зацепившийся за горизонт, и протянул руку за котелком. В других условиях он бы, пожалуй, поостерегся: при ранении в живот полный желудок – верная гибель. Но им предстояло продержаться целую ночь против врага, превосходящего их численностью в сорок раз. Так что выжить он не слишком надеялся. А вот сил до утра могло и не хватить...

– Ну давай... Значит, так, старшина, – неторопливо начал старший лейтенант, степенно уплетая кашу, щедро приправленную «вторым фронтом», как шутливо именовали американскую тушенку. Причем, судя по обилию лука, поначалу ротный старшина, похоже, не собирался расходовать столь ценный продукт, частенько выполнявший на фронте роль «золотого запаса», на который можно было обменять что-нибудь полезное в хозяйстве, но затем, видно, решил: когда не помирать – все одно день терять, пусть уж бойцы перед ночным боем, который должен был стать для большинства, а то и для всех последним, хоть наедятся до отвала. О том, что шансов выжить в ночном бою практически никаких, в роте уже давно знали, но особенного страха у людей не было. Они были солдаты, русские солдаты, и война шла уже четвертый год. Как много умных, сильных, честных русских людей уже лежало в земле. Они погибли не только за своих близких, родных, любимых, но и за то, чтобы вот они, бойцы первой роты 239-го отдельного батальона войск НКВД, сумели дожить до сегодняшнего дня. А сегодня, значит, пришел их черед... – Значит, так. Ты со своими орлами сразу после заката отойдешь на правый фланг и займешь позицию вон за теми сухими деревьями.

– Так... товарищу старший лейтенант! До него ж, мабуть, больше километра!

– Вот именно. А еще там дальше река поворот делает. А ну как фрицы, после того как мы им здесь по сусалам дадим, решат мне фланговый обход устроить? И что мне тогда делать?

– Так это же после того как дадим. А до того-то чего я там торчать буду? Товарищу старший лейтенант, дозвоьте я им сначала трохи...

– Отставить разговоры! Будешь делать что я сказал, – сурово сдвинув брови, оборвал Перебийноса ротный. А затем, смягчившись, пояснил: – Пойми, старшина, нам ночь, целую ночь держаться! И в начале мне твой десяток автоматов – не шибкая подмога. На первую атаку стволов хватит... ну, я думаю. А ежели немцы так попрут, что не хватит, – и твой десяток не поможет. А вот дальше... Так что ты – моя последняя надежда будешь. Нет, не отбиться – остановить. Если даже фрицы на обход не решатся – сиди до последнего. А уж когда они вот сюда, на гребень, заберутся, а никого из нас, чтобы их задержать, уже не останется – вот тогда и ударь! Чтобы они снова остановились. Чтобы на тебя развернулись. Чтобы дальше не пошли. И чтоб наши успели сюда подойти и их, гадов, прищучить. Понятно?

– Так точно, командир, – слегка дрогнувшим голосом отозвался старшина Перебийнос. Ему предстояло самое сложное, что только может выпасть на войне: сидеть и ждать, пока не убьют всех своих...

– Вот и ладушки, – повторил любимую присказку ротный. – Ну все, иди к своим. Вон солнце уже почти село.

* * *

Они не опоздали. Когда бойцы, сторожко, стараясь не шибко колыхать уже подростшую кукурузу, выдвинулись к береговому обрезу, на западе еще алела узкая полоса. Зато за их спиной небо было уже черным-черно. Старший лейтенант Воробьев сдвинул каску на затылок и вытер вспотевший лоб. Успели. Справа и слева маячили фигуры выделенных взводными связных, ибо ни о какой организации телефонной связи и речи быть не могло. Он прислушался. Впереди, на противоположном берегу, кукуруза колыхалась слишком сильно, а легкий ветерок время от времени доносил обрывки немецкой речи. Похоже, немцы также начали выдвижение к реке. И им было, пожалуй, посложнее, поскольку они еще волокли плоты. Что ж, значит, скоро нач...

Гаубицы рывкнули еще до того, как ротный закончил мысль. Он обернулся, и когда столбы разрывов накрыли его недостроенный КНП, злорадно усмехнулся. А вот вам, суки, выкуси! И так у вас со снарядами – швах, так мы еще вас и обдурили. Давайте, тратьте их на то, чтобы перекопать землю! Он снова развернулся в сторону противника и мановением руки подозвал к себе одного из посыльных:

– Передай по цепи: огонь только по команде!

Немцы рванулись дружно. Сомкнутые группы солдат в грязно-зеленых мундирах, вынырнув из кукурузы, бегом бросились к реке, волоча крепко связанные плоты. Но за ними бежали цепи солдат уже без всяких плотов. Эти, похоже, должны были преодолеть реку вплавь. А может, вплавь должны были идти все, а плоты предназначались только для оружия и средств усиления. Не важно, сейчас увидим...

Старший лейтенант Воробьев дождался, пока плоты, на которых фрицы действительно переправляли через реку пулеметы и минометы, а не солдат, приблизились к его берегу на расстояние броска гранаты, и, чуть приподнявшись, прокричал:

– По плотам гранатами – огонь! Рота – огонь!

И восточный берег взорвался грохотом выстрелов, заглушивших скудную, хотя все еще продолжающуюся артподготовку немцев...

Первый натиск они отбили. И практически без потерь. По докладам командиров взводов в роте появилось всего лишь одиннадцать раненых. Из них только двое тяжелых. Фрицев же крошили знатно. Не менее полусотни положили. И все плоты расколошматили гранатами.

Сразу после того как ошеломленные немцы откатились от реки назад, ротный отдал приказ отходить к высоте, на которой весь вечер оборудовали позиции. И они успели добраться до ее подножия, когда в ночном небе снова засвистели снаряды немецких гаубиц и мины присоединившихся к ним минометов. Судя по разрывам, они у фрицев были малого, ротного калибра, и потому в артналете на опорный пункт роты не участвовали: для такого калибра – далеко, разброс большой, да и сама мина не шибко мощная, такой только по открыто расположенной пехоте стрелять... На этот же раз они били по самому берегу. Старший лейтенант Воробьев зло оскалился. Снова обманули дурака на четыре кулака, как говорится в детской считалочке. Ну да самое главное еще впереди. Ночь-то только начинается...

Следующую атаку немцы начали через час. Но на этот раз артналет оказался совсем коротким, да еще и очень рассеянным. Сначала немцы опять ударили по уже опустевшему берегу, а когда к реке подошла их пехота, теперь уже безо всяких плотов, перенесли огонь на пустое кукурузное поле перед высотой. Так что сами позиции на высоте, которые заняла рота, они обстреливали всего минут десять. Впрочем, хватило и пехоты. Немцы полезли густо. К тому же, судя по реву и воплям, доносившимся от приближающихся цепей, немцев перед атакой накачали шнапсом. Похоже, иначе подвинуть пехоту на атаку у фрицев уже не получалось. Так что они ринулись в бой горланя песни и ругаясь. Да, не тот пошел немец, что в сорок первом, совсем не тот...

Ротный дал передовой цепи подтянуться метров на триста, высунулся из окопа и крикнул:

– Ковалевич, врежь-ка по реке! Они что-то на том берегу завозились. Похоже, снова плоты ладят.

– Понял! – донеслось сбоку.

Проводную связь они протянуть не успели, ну да позиции минометчиков располагались метрах в сорока от КНП, не страшно. Старший лейтенант поднес к глазам бинокль. Снаряды и мины немцев изрядно проредили кукурузу, небо было звездным, поэтому, несмотря на ночь, приближающихся фрицев было видно довольно хорошо. Еще чуть-чуть...

Сбоку дружно рывкнули минометы Ковалевича. Вот теперь – пора!

– Рота – огонь!

И по приближающимся пьяным немцам ударил залп из винтовок и автоматов, перекрывая который дружно зарокотали два «Максима» с затянутыми винтами вертикальной наводки. Такой огонь, открытый в упор, длинными очередями, на закипание воды в коухе, с заранее выверенным и установленным прицелом, называется кинжальным.

Немцы откатились довольно быстро. Пьяная удаль тем и плоха, что скоро сменяется не менее пьяным страхом. Ротный, продолжавший стрелять из своего ППШ даже после того, как немцы ушли за пределы не просто действительного огня, который обеспечивал маломощный пистолетный патрон его оружия, но и вообще за дальность его убойного действия (а пусть пули своим свистом подгоняют улепетывающих фрицев), отпустил спусковой крючок и вытер пот. Отбились. Надо же... Отбились, твою мать! Воробьев облизнул сухие губы и сорвал с пояса фляжку. Сделав большой глоток тепловатой, отдающей алюминием воды, в этот момент показавшейся небывало вкусной, он высунулся из окопа и хрипло прокричал:

– Командирам взводов – доложить о потерях!

Эту атаку они пережили, в общем, тоже неплохо. Девять убитых и двадцать три раненых. Из них тяжело – трое. Причем из трех десятков легкораненых только четверо ушли в тыл, остальные после перевязки остались в строю. При таком превосходстве в силах противника за две немецкие атаки потерять в огневой линии всего полвзвода... Не тот уже фриц, точно не тот.

– Товарищу старший лейтенант, – внезапно послышался чуть в стороне знакомый голос.

– Перебийнос, а ты какого черта здесь?! Я тебе что приказывал?

– Та я ж с предложением, – отозвался старшина-разведчик, скатываясь в окопчик КНП. – Я ж чего думаю. Мабуть, нам самим на тот бережок сплавать, и как немчура на вас пойдет, так мы им сбоку-то и врежем? Они ж с того...

– Нет, – оборвал его ротный. – Запрещаю. Делать только то, что я приказал. – И чуть смягчив тон, пояснил: – Пойми, старшина, ну устроишь ты шурум-бурум, но немцев-то на том берегу до черта, они тебя там быстро к ногтю возьмут. А помочь тебе я не смогу. Так что единственное, чего ты добьешься, – это чуток ослабишь очередную атаку, которую я, процентов на девяносто, и так отобью. Мне же надо будет, чтобы после того как фрицы с нами покончат, ты заставил их откатиться или хотя бы завязнуть и от этого решиться еще на одну атаку. Ну, со всем, что для нее требуется – артналет, разворачивание в цепи и так далее. Понимаешь?

Старшина тяжело вздохнул:

– Та понимаю, товарищу старший лейтенант, та только так на эту немчуру клятую руки чешутся...

Следующую атаку немцы предприняли через сорок минут. И артподготовку на этот раз осуществляли только малокалиберные минометы – похоже, гаубичные снаряды у немцев закончились. Бойцы Воробьева едва успели заново набить обоймы и магазины и восполнить от старшины Провоторова запас израсходованных гранат, да по быстрому зажевали ДП, состоявший из все той же тушенки, хлеба и лука (ох и расщедрился старшина), как фрицы поперли снова. А куда им деваться-то – немецкое командование отлично понимало, что каждый лишний час, потерянный на этом рубеже, повышает шансы на то, что подтянутые русскими подкрепления здесь их и закопают. Так что им во что бы то ни стало требовалось уничтожить намертво вцепившуюся в высоту одинокую русскую роту, невесть как оказавшуюся у них на пути.

На этот раз немцы перли остервенело. Рота начала поливать огнем немецкие цепи еще за полкилометра до своих окопов, но немцы шли и шли. Устилая кукурузное поле мертвыми телами, падая, затем вновь поднимаясь и следующим броском подбираясь к переднему краю роты еще на десяток-другой метров. Еще в самом начале атаки осколком мины убило командира второго взвода, поэтому ротный перенес свой КНП в его расположение. Когда до немцев оставалось уже метров двести – замолчал один из «Максимов». Ротный на четвереньках метнулся к нему (хода сообщения до него прорыть так и не успели).

– Павло, что тут у тебя? – окликнул он наводчика, кряжистого степенного крестьянина с Полтавщины.

– Убили Павло Георгича, товарищ командир, – отозвался тонкий голосок второго номера, шестнадцатилетнего минчанина Яши Неймана. Яша был из интеллигентной городской семьи. Мама – портниха, папа – преподаватель в музыкальной школе. Яша и сам играл на скрипке. – И кожух посекли. Вся вода вытекла. Боюсь, заклинит.

– Вода есть? – тут же оценив обстановку, спросил ротный.

– Так точно, вот, целое ведро... Но она ж сразу вытечет!

– Быстро режь чевики и затыкай дырки.

– Есть... А из чего?

Ротный выругался. Вот же интеллигенция – ни хрена не соображают. Привыкли, что им всякие учителя все на блюдечке разжевывают, вот и повторяют за ними ранее затверженное, а ежели своей головой думать – так никак!

– Что, дерева нет? – рявкнул он, вырывая из чехла малую пехотную лопатку.

– Н-никак... То есть так точно – нет!

– А черенок лопатки?

– Ой, и правда...

– Быстрее! И не фигурничай тут. Пусть даже малехо и капает, лишь бы не лилось. Атаку отобьем – другие вырежем, чтоб не капало...

Через три минуты лихорадочной работы «Максим» застучал снова. Ротный сам лег за пулемет, отослав Яшку в первый взвод за новым наводчиком. Нет, Воробьев был стрелком знатным, но пока рота дерется – не дело ротного лежать за пулеметом.

Наконец слева послышалось шуршание, и в окоп вслед за Яшей свалился... лейтенант Ковалевич.

Ротный ожег его взглядом и молча отодвинулся. А что спрашивать? Если командир взвода ротных минометов здесь – значит, минометов у роты больше нет. Зато фрицы решили не жалеть оставшихся мин, и немецкие минометы садили как проклятые...

А когда он добрался до окопа второго взвода, откуда-то со стороны третьего донесся и медвежий рев старшины Провоторова. Похоже, всем уже стало ясно, что рота едва держится, но оставаться в тылу не захотел никто. Ну да как говорится – на миру и смерть красна.

Так что, когда до ушей лихорадочно менявшего очередной магазин в своем ППШ ротного донеслись неожиданно громкие гортанные выкрики, он на мгновение замер, а затем выругался. Черт, похоже, всё... Фрицы на расстоянии броска гранаты. Сейчас последует команда «Форвертс!» – и они рванут всей толпой. Просто числом задавят. Оставался единственный, хотя и почти призрачный, шанс... Старший лейтенант высунулся из окопа и, напрягая голосовые связки, заорал:

– Рота, приготовить гранаты! Приготовиться к атаке! – Он едва успел занырнуть обратно в окопчик, как по брустверу ударили сразу несколько очередей. Совсем близко гады... Между тем руки торопливо разгибали усики вставленных в гранатные запалы чек. Ротный стиснул в кулаках по ребристой лимонке, свел их вместе, продев указательные пальца в противоположные кольца гранат, и, уже не высовываясь наружу, прямо из окопа закричал: – Рота, гранатами – огонь! – после чего резко развел руки в стороны, вырывая кольца, и одновременным броском швырнул обе лимонки по крутой траектории. Авось замедлитель успеет догореть еще до того, как они упадут на землю, и гранаты рванут в воздухе, накрыв дождем тяжелых осколков открыто расположенных фрицев.

И в этот момент по ушам ударила громкая команда на немецком. Воробьев радостно ощерился. Опоздали, сволочи!..

А сразу после того, как утих грохот гранатных разрывов, ротный поудобнее перехватил ППШ со свежим диском правой рукой, левой вырвал из кобуры ТТ и сильным движением выбросил свое молодое, гибкое тело на бруствер.

– Рота – в атаку, в рукопашную, за Родину, за Сталина, ур-р-ра-а-а!..

Глава 4

Младший офицер первого класса Токусигава на мгновение замер, бросив придиричивый взгляд в зеркало у входа в небольшой домик, занимаемый штабом флота Юго-Восточного района, затем решительно поднял руку, затянутую в белоснежную перчатку, и постучал в дверь. Спустя несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме показалось лицо вице-адмирала Кусаки Дзиньити.

– Господин вице-адмирал, обед для вас и главнокомандующего готов, – четко доложил Токусигава.

– Отлично, – кивнул Кусака. – Главнокомандующий как раз справлялся о том, что сегодня на обед.

– Окасирацуки⁵ и еще нечто неожиданное. Повар сегодня попробовал приготовить сукияки из мяса морских черепах...

– Что там, Кусака? – послышался от стола недовольный голос адмирала.

– Мне сообщили, что обед готов, – отозвался вице-адмирал, поворачиваясь к главнокомандующему, – и что вас сегодня ждет приятный сюрприз.

– Приятный сюрприз – это хорошо. – (Теперь младшему офицеру в голосе главнокомандующего почудилась легкая печаль.) – А то что-то последнее время на нас обрушиваются неприятные...

Но тут дверь закрылась, лишив Токусигаву возможности и дальше слушать голос своего адмирала. Впрочем, о чем тот думал, было понятно – после Мидуэято и потери Гуадалканала...

Обед начался достаточно мирно. Тотальное воздушное наступление на Гуадалканал развивалось вполне успешно, поэтому, несмотря на все предыдущие неудачи, главнокомандующий Объединенным флотом Ямамото Исороку был настроен благодушно. Тем более что эвакуация остатков японских войск с Гуадалканала, ранее представлявшаяся почти невозможной, была успешно завершена благодаря хитрости, придуманной группой разведки и связи. Зная о привычке американцев посылать в чрезвычайных случаях незакодированные радиogramмы, объединенное подразделение связи номер один на базе в Вунаканау на Рабауле использовало шанс, который появился из-за плохой связи между американскими патрульными самолетами «каталина» и их базой на Гуадалканале, и послало от имени какой-то «Каталины» радиogramму на американскую базу. Когда американцы ответили, японцы отправили поддельную радиogramму: «Обнаружил два авианосца противника, два линкора, десять эсминцев, широта... долгота... курс...» Эту радиogramму быстро переслали в Нумеа и Гонолулу, а спустя двадцать минут радист США из Гонолулу передал распоряжение всему американскому Тихоокеанскому флоту: «Всем бомбардировщикам США на базах Гуадалканала приказано оставаться на земле».

Так что эвакуация японских войск прошла без какого-либо противодействия. К тому моменту, как американцы догадались об обмане, она уже была завершена.

– Как вы думаете, – обратился к адмиралу Кусака, когда подали десерт, – американцы смогут устоять перед нашими атаками?

– Перед нынешними – нет, – благодушно отозвался поевший с обычным аппетитом Ямамото. – Если бы я думал, что смогут, не отдал бы приказ на начало операции. Но все равно нашему правительству стоит предпринять максимум усилий для запуска процесса переговоров. Ибо мы всё больше и больше скатываемся в яму. – Он вздохнул. – Да вы и сами всё понимаете, мой друг. В такой ситуации нет смысла быть неискренними друг с другом. На флоте обычно говорили, что один истребитель «зеро» может сразиться с пятью, а то и десятью аме-

⁵ Окасирацуки – морской карп, приготовленный с головой и хвостом (*яп.*). (Примеч. авт.)

риканскими самолетами, но это в начале войны. После потери стольких хороших пилотов на Мидуэе нам трудно обеспечить им замену. О, как прав тот, кто первым сказал: «Надо выбирать себе друзей!»

После обеда главнокомандующий поднялся в свой коттедж, расположенный на холме, именуемом холмом Резиденции, поскольку во времена германского контроля над островом там жил немецкий губернатор. Адмиралу Ямамото исполнилось уже пятьдесят девять лет, большую часть которых он провел на службе Японии. Успел даже в молодости поучаствовать в знаменитом Цусимском сражении на крейсере «Ниссин», заполучив более ста шрамов на теле и потеряв два пальца на левой руке – из-за этого в квартале гейш Симбаси его прозвали Восемьдесят Сэнов⁶. После начала Второй мировой войны на него свалилась столь серьезная нагрузка, что здоровье адмирала заметно пошатнулось. Стали неметь пальцы правой руки. Не так давно флотский врач сделал ему серию из сорока инъекций витаминов В и С, после чего адмирал уверял окружающих, что чувствует себя прекрасно, но все, кто находился рядом с ним, видели, насколько ему тяжело. Так что его израненному телу, на которое обрушилось столько забот, после обеда не помешал бы небольшой отдых, тем более что в четыре часа главнокомандующий собирался посетить больных и раненых во флотском госпитале.

День прошел довольно спокойно. Потери среди летчиков морской авиации оказались меньше, чем днем ранее, и это доказывало, что американцы выдыхаются. Следовательно, тотальное воздушное наступление, задуманное главнокомандующим, действительно двигалось к успешному завершению.

Вечером, играя в сёги⁷ с Кусакой в его кабинете, Ямамото задумчиво произнес:

– После сегодняшнего посещения госпиталя мне пришло в голову, что для поднятия морального духа наших солдат и офицеров мне было бы полезно облететь базы в районе Шортленда, ближайшие к линии фронта.

Командующий флотом Юго-Восточного района согласно склонил голову:

– Я завтра же отдам соответствующие распоряжения, адмирал...

На следующий день на передовые базы была отправлена радиограмма:

«Главномандующий Объединенным флотом 18 апреля лично посетит Баллале, Шортленд и Буин. Расписание посещения следующее. 6.00 – вылет из Рабаула на атакующем самолете средней дальности (с эскортом из шести истребителей). 8.00 – прибытие в Баллале и немедленное продолжение маршрута на „морском охотнике“ до Шортленда с прибытием в 8.40... 14.00 – отбытие из Буина на самолете средней дальности. 15.40 – прибытие в Рабаул... Из-за плохой погоды переносится на один день».

Никто из японских военных даже не догадывался, что американцы сумели взломать флотский и дипломатический код «тип 97 индзики», присвоив ему внутреннее наименование «пурпурный»⁸. Даже поражение под Мидуэем, понесенное японцами во многом как раз вследствие того, что американцы были в курсе всех их планов и перемещений, не заставило Ямамото насторожиться. Так что спустя всего лишь несколько часов информация о появлении самолета главнокомандующего Объединенным флотом легла на стол президенту США Франклину Делано Рузвельту.

– Насколько можно доверять этой информации, Фрэнк? – спросил Рузвельт, откладывая листок с сообщением.

⁶ Обычная плата гейшам за маникюр составляла одну йену, по десять сэнов за каждый палец. Поскольку у героя было всего восемь пальцев, он платил на двадцать сэнов меньше. (Примеч. авт.)

⁷ Сёги – японская настольная игра, похожая на шахматы; своего рода военная стратегия. (Примеч. ред.)

⁸ Американская разведка до сих пор утверждает, что расколола японский код исключительно математическими методами, но существует немало косвенных свидетельств, что это не так. Например, название «пурпурный» является прямой отсылкой к цвету обложки кодовой книги. (Примеч. авт.)

– Он поступил от группы «Мэджик», мистер президент, – коротко отозвался министр Военно-морских сил США.

Президент кивнул. Под кодом «Мэджик» значилась группа, осуществлявшая раскодирование японских официальных сообщений.

– Ты думаешь, они еще не догадались и это правда? Ведь во время эвакуации с Гуадал-канала они сумели обмануть нашу службу радиоперехвата.

Фрэнк Нокс качнул головой:

– Они обманули не службу радиоперехвата, а связистов. К тому же они передали дезинформацию открытым текстом. Так что пока нет никаких оснований сомневаться, что они еще не подозревают о том, что мы читаем их код. Хотя... – Нокс задумчиво потер рукой подбородок. – Стопроцентно уверенным в этом быть, конечно, нельзя. Но... я бы рискнул. Да и в сущности, чем мы рискуем? Эскадрилей истребителей? А в случае удачи можно будет считать, что мы сорвали джекпот.

Рузвельт с минуту размышлял над словами министра, затем принял решение:

– Хорошо, передай Нимицу, пусть попытается достать его...

Между тем подготовка к визиту адмирала Ямамото на Бугенвиле шла своим ходом. Подавляющее большинство офицеров, прекрасно зная, что в том случае, если адмирал принял решение, спорить с ним практически бесполезно, деятельно готовились к предстоящему полету. Все попытки немногочисленных противников этой операции отговорить главнокомандующего провалились. Командующий 3-м флотом Одзава Дзисабуро, тоже потерпев фиаско, в сердцах сказал офицеру штаба Куросиме:

– Если он все-таки настаивает на поездке, то шесть истребителей совершенно недостаточно. Скажите начальнику штаба, что он может взять у меня столько самолетов, сколько сочтет нужным.

Однако Куросима до начальника штаба Угаки так и не добрался – тот слег от лихорадки денге.

История генерал-лейтенанта Имамуры о том, как он сам за два месяца до этого, 10 февраля, едва не стал жертвой американцев, когда направлялся на Буин и внезапно был атакован тремя десятками истребителей, рассказанная им с тайной надеждой на то, что адмирал откажется от своих опасных планов или как минимум уделит больше внимания обеспечению безопасности полета, также не достигла цели. Ямамото лишь похвалил мастерство и хладнокровие младшего офицера, пилотировавшего летающую лодку генерал-лейтенанта, и высказал радость по поводу спасения Имамуры.

Даже прибытие 17 апреля командующего 11-й воздушной флотилией на Шортленде контр-адмирала Дзосимы, оказавшегося последним из числа немногочисленных противников полета (Дзосима пришел в крайнее возмущение, получив телеграмму, столь подробно разъясняющую маршрут и график движения адмирала), не смогло поколебать решимость Ямамото. В ответ на горячую речь контр-адмирала он лишь мягко улыбнулся и произнес:

– Я должен лететь. Я дал им знать, и они готовятся к моему приезду. Полечу завтра утром и вернусь к закату. Не поужинать ли нам вместе?

* * *

Утро 17 апреля выдалось солнечным. Ямамото проснулся раньше обычного и долго лежал, глядя в потолок и вспоминая прошлые годы. Эх, молодость, молодость... На что бы он только ни согласился, лишь бы ее вернуть. Адмирал не обладал ни высоким ростом, ни огромной силой, но всегда был гибким и ловким. Во время своей первой поездки в Америку на корабле «Сува-мару» он устроил настоящее шоу. Это случилось через три-четыре дня после отплытия из Иокогамы. Шло обычное увеселительное мероприятие на борту. В те времена

японцы обычно не очень-то любили появляться на людях, поэтому салон заполняли в основном европейские лица. Капитан «Сува-мару» уже заканчивал процедуру, когда Ямамото Исороку, тогда молодой капитан 2-го ранга, вдруг вышел вперед и сделал стойку на балюстраде салона. Корабль медленно менял курс, и один промах мог привести к опасному падению на нижнюю палубу, но Ямамото тогда охватил азарт. И не удовлетворившись одной лишь стойкой на голове, он одолжил у стюарда два больших подноса и стал крутить их на кончиках пальцев, а завершил выступление кульбитом, причем подносы оставались у него в руках. Гибкость и ловкость вместе с силой духа всегда помогали ему одерживать победу и в тренировочных схватках, даже с теми, кто был куда искуснее в единоборствах, чем он сам. И куда все делось?..

Ямамото сел на постели и некоторое время прислушивался к своему телу. К его удивлению, ничего особенно не болело, он чувствовал себя на редкость хорошо. Адмирал улыбнулся: «В такое утро хорошо умереть». Он откинул теплое одеяло – ночами в коттедже было холодно – и поднялся с футона. После чего подошел к тазу с кувшином, приготовленному вестовым, и быстро умылся. Распахнул дверцы шкафа. Все то время, что он находился здесь, в Рабауле, адмирал носил белую парадную форму, чтобы пилоты самолетов, улетающих на задание, могли ясно видеть своего главнокомандующего, приветственно машущего им фуражкой. Но сегодня он решил надеть темно-зеленую полевую. Щеголять в белоснежном парадном кителе перед бойцами, которые неделями не покидают окопы или регулярно прыгают в перекрытые щели, спасаясь от града сыплющихся сверху американских бомб, было бы крайне неуместно.

Закончив облачение, Ямамото подошел к стойке с мечами и замер, размышляя, какой из них выбрать. В его коллекции были и очень дорогие, древние клинки. Правда, большинство из них он оставил дома, взяв с собой лишь несколько. И сейчас рука сама потянулась к простому мечу, изготовленному оружейником Амадой Садаёси из Сибаты, префектура Ниигата. Этот меч ему подарил старший брат Кихати. Брат...

Кихати гордился им, Исороку, младшим братишкой, но, когда адмирал приезжал домой, все время подчеркивал, что именно он, Кихати, главный в доме. И когда адмирал садился за стол без формы, что дома случалось довольно часто, Кихати гордо занимал место во главе стола. С тех пор как брат умер, у главнокомандующего остался единственный близкий человек на земле – сестра Кадзуко. Ну и, конечно, Тиёко... С женой Рэйко и детьми он проводил куда меньше времени, чем с этой женщиной, ставшей ему верным другом и надежной опорой на долгие-долгие годы.

Когда адмирал, уже одетый и при мече, взглянул на себя в зеркало, ему снова пришла в голову мысль: «В такое утро хорошо умереть...»

Завтрак прошел бодро. Даже Кусака, страдавший от жестокой тропической дизентерии, и тот сумел съесть небольшой кусочек. Ямамото чувствовал необычайный подъем. Он подшучивал над сотрапезниками, но иногда замолкал, просто глядя на них и вспоминая разные истории, связанные с теми, кто сидел сейчас за столом. С некоторыми он учился, с большинством служил – либо на флоте, либо в авиакорпусе «Касамигаура», расположенном на одноименном озере (это было самое зарождение японской морской авиации, у истоков которой он стоял...), либо в департаменте аэронавтики, либо в министерстве военно-морского флота. А не так давно Кусака и Одзава устроили вечеринку выпускников Морской академии. И он приперся на эту вечеринку с бутылкой «Джонни Уокер. Блэк лэйбл» (дело в том, что в 1909 году, когда курс оканчивал Морскую академию и отправлялся в тренировочное плавание в дальние моря, Ямамото, тогда еще лейтенант, служил дивизионным офицером на учебном судне «Соя» – корабле, на котором выпускники уходили в океанский круиз после завершения учебы). В разгар вечеринки кто-то предложил отметить событие сбором ёсэгаки⁹, и Ямамото выдвинул идею послать по копии адмиралам Судзуки и Коге (тридцать четыре года назад, во

⁹ Ёсэгаки – коллекция подписей присутствовавших (яп.). (Примеч. авт.)

время того учебного плавания, Судзуки был капитаном «Сойи», а Кога – вольноопределяющимся на судне). Сам Ямамото начал коллекцию для Судзуки, написав кисточкой свое имя и должность в то время и на данный момент: «Ямамото Исороку, дивизионный офицер на „Сойе“, ныне главнокомандующий Объединенным флотом». Остальные последовали его примеру... И вот сейчас Ямамото сидел и смотрел на своих товарищей, вспоминая тех, кто уже никогда не сядет за этот стол. За семь десятилетий существования Этадзимы¹⁰, считая период Японско-китайской и Японско-русской войн, вместе с Первой мировой и «китайским инцидентом», погибли всего пять процентов выпускников академии, но теперь уровень потерь взлетел в разы, и все говорило за то, что он взлетит еще выше – не менее чем на порядок.

После завтрака все вышли на летное поле, чтобы проводить главнокомандующего. Вместе с ним должны были лететь восемь человек – флотский врач Такада, офицер штаба авиации «А» Тоибана, который принял должность от Мивы, и помощник Фукудзаки; они сели в первый самолет, с адмиралом, остальные заняли второй. Куросима и Ватанабэ, прилетевшие с главнокомандующим с «Микасы», остались в Рабауле.

Когда адмирал Ямамото шел к своему самолету – бомбардировщику наземного базирования типа 1, – пилот одного из истребителей «зеро», выделенных для сопровождения главнокомандующего, младший офицер Хаяси Хироси с удивлением подумал: «Как же это так? Наш адмирал на голову ниже меня...» Но все, кто наблюдал за Ямамото в то утро, потом признавались, что чувствовали некие флюиды величия, исходившие от него. Как будто он не шел к самолету, а шагал прямо в Вечность...

Самолеты взлетели точно в срок, в шесть часов утра, и, сделав разворот, направились в сторону Баллале. Никто из сидевших в них даже не подозревал, что незадолго до этого восемнадцать специально оборудованных Р-38 из 339-й истребительной эскадрильи 347-й истребительной группы 13-й Воздушной армии США поднялись с аэродрома на Гуадалканале и, тщательно соблюдая радиомолчание, отправились в путь протяженностью в 430 миль к точно рассчитанной точке, расположенной чуть к северу от Мойла-Пойнт, на юго-западной оконечности острова Бугенвиль. Даже с учетом подвесных баков, на то, чтобы выполнить задание, которое заключалось, как объявило командование, в перехвате «важного старшего офицера японцев», у пилотов Р-38 было всего несколько минут. Если бы бомбардировщики стартовали не столь точно по графику...

Ямамото Исороку сидел на месте капитана, любясь окрестностями и все так же вспоминая – по большей части тех, кто был ему дорог: Соримати Дзэна, священника храма Хасимото Дзэнган в его родной Нагаоке, Хори, Каваи Тиёко, других женщин из квартала Симбаси и прочих, прочих. У него было много друзей. Хотя и врагов немало. Но что еще можно ожидать от человека из семьи потомственных самураев?.. И вообще он прожил счастливую жизнь – интересную, бурную, в которой нашлось место и игре: он очень любил сёги, бильярд, бридж, маджонг и покер. Даже разработанные им военные операции, тот же Перл-Харбор или уничтожение британского соединения «Z», в которое входили линкоры «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», несли на себе налет его приверженности игре. Он знал много женщин, но сумел встретить и настоящую любовь. Хотя, конечно, главное место в его жизни занимал долг. Долг перед страной и долг перед тэнно¹¹, который одарил его своим уважением и дружбой. Есть ли на свете что-то более значимое для настоящего мужчины, чем осознание того, что он полностью исполнил свое предназначение на этой земле? А ведь многие смеющиеся называться мужчинами не способны даже понять, в чем состоит их предназначение. Они проживают жизнь подобно траве и червям, копаясь в навозе собственных страстишек и похоти, и именно это жалкое копошение называют жизнью... А ему есть с чем предстать перед богами!..

¹⁰ Этадзима – Военно-морская академия. (Примеч. авт.)

¹¹ Тэнно – император (яп.). (Примеч. ред.)

В этот момент пилот бомбардировщика повернулся к главнокомандующему, почтительно склонил голову и произнес:

– Мы уже подлетаем. Ожидаемое время прибытия в Буин – 7.45.

Адмирал благодарно кивнул и, вытянув шею, заглянул в боковой блистер. Самолеты шли над джунглями, покрывавшими Бугенвиль, на небольшой высоте. Чуть дальше виднелось море... И тут один «зеро» резким рывком вывалился из строя и приблизился к самолету главнокомандующего. Пилот «зеро» отчаянно жестикулировал.

– Что случилось? – недоуменно спросил Ямамото.

Побледневший пилот бомбардировщика шумно выдохнул:

– Американские самолеты! Я попытаюсь снизиться и пойти на бреющем. Держитесь!

Ямамото нахмурился и, выпрямившись в кресле, к которому он был притянут ремнями, ухватился за рукоятку меча. Если настал его срок уйти за пределы мира, он хотел сделать это именно так, как делали многие поколения мужчин его рода – на поле боя, с мечом в руке. И тут ему снова вспомнились слова, с которых начался сегодняшний день: «В такое утро хорошо умереть». Адмирал Ямамото улыбнулся. Так вот, значит, как... Аматаэрасу послала ему свое пророчество. Что ж, это добрый знак. Он развернулся и бросил на приближающиеся американские истребители безмятежный взгляд. Ха, эти американские парни думают, что поступают по своей собственной воле! Но он-то знает, что они всего лишь орудие в руках божественной Аматаэрасу. И в этот момент по двигателю бомбардировщика хлестнули пулеметные трассы...

Глава 5

Иван Воробьев очнулся от того, что в лицо бил яркий свет. Этот свет проникал даже сквозь плотно смеженные веки, тревожа и вытягивая сознание из забытья. Он распахнул глаза и тут же снова зажмурился, едва не вскрикнув. Но когда через минуту опять попытался чуть-чуть приоткрыть глаза, оказалось, что свет снаружи вовсе не такой уж яркий, как в первый раз. Впрочем, возможно, и в первый раз ему так только почудилось, вследствие того что и потолок, и стены той комнаты, где он лежал, были ослепительно белыми. Иван несколько секунд рассматривал потолок и стены сквозь ресницы, затем решился и широко открыл глаза. Да, все точно. Потолок и стены – белые. Окон нет. Иван скосил глаза вправо, влево. Двери, похоже, тоже нет. Вроде как... Что это, плен? Или госпиталь? Последнее, что он помнил, была рожа немецкого фельдфебеля, в которую он швырнул заклинивший МР-43, подхваченный им с какого-то немецкого трупа, после того как закончились патроны в ТТ. А за перекошенной рожей немецкого фельдфебеля блестела река. И это означало, что они сумели, что у них получилось, что они отбили-таки и эту атаку...

Иван попытался приподняться и... у него не вышло. Тело не реагировало. Никак. Нет, чувствовал он его вполне нормально, но вот все усилия поднять или хотя бы подвинуть руку не привели ни к чему. Рука осталась на месте. Там, где она и лежала. Вот чертовщина... Связали его, что ли? Да вроде не похоже... А может, чего вкололи? Кто их знает, этих медиков... С другой стороны, какой-то странный госпиталь. Прямо огурец из загадки. Без окон, без дверей – полна горница людей... Впрочем, с полной горницей тут ошибочка. Никого, кроме его самого, поблизости не наблюдается.

И тут старший лейтенант почувствовал, что у него пошевелился палец на левой руке. Мизинец. Опа! Значит, все не так уж безнадежно. Он сосредоточился на своих ощущениях и попытался еще раз пошевелить пальцем – уже не рефлекторно, а сознательно. И это получилось. Более того, вместе с мизинцем дрогнули и остальные пальцы...

Спустя десять минут офицеру удалось-таки, прилагая невероятные усилия, сначала перекатиться на бок, а потом, помогая себе дрожащими от слабости руками, кряхтя, сесть на постели... ну или, вернее, на том, на чем он лежал. Поскольку постельных принадлежностей под ним не было. Никакого белья. Так же как и на нем. Он был абсолютно наг. И это озадачивало еще больше. Он сам был ранен четырежды, два раза легко и два – тяжело, трижды лежал в госпиталях, но никогда не слышал, чтобы раненых там раздевали догола. Ну, разве что во время операций. Но после них сестрички обычно тут же одевали прооперированных в исподнее, и в себя человек приходил уже в приличном виде. А тут... К тому же он никак не ощущал себя прооперированным: нигде не болело, не тянуло, не кровило... вроде как. А что касается странного паралича, то он стремительно проходил, Иван уже вполне спокойно мог двигать не только руками, но и ногами. Он внимательно осмотрел и даже ощупал свое тело – нет, никаких швов, разрезов и шрамов... Шрамов! Старший лейтенант Воробьев дернулся и удивленно уставился на свою левую руку. Вот же, здесь было ранение. Вот здесь вот прошла пуля. Лидочка же зашивала, на живую, он ясно помнил... А теперь – чисто. Почему?... Нет, тут точно голова кругом пойдет!

Иван несколько мгновений ошарашенно пялился на абсолютно гладкую кожу левой руки, потом провел пальцами по правому боку, который ранее также украшал шрам от тяжелого ранения. И тряхнул головой. Ладно, разберемся. В конце концов, он фронтовой офицер, да не просто пехтура какая-то, а из войск НКВД – и в разведку ходил, и в тыл врага забрасывался, и языков брал, и немецких парашютистов-диверсантов скручивал. И здесь не пропадет. Где бы и чем бы это «здесь» ни было. Он осторожно поднялся на ноги и огляделся повнимательнее.

Помещение казалось непонятно *чуждым*. Ну совсем. Хотя вроде как ничего совсем уж необычного в нем не было: большая комната метров десять на десять, а ровно посередине – плоский постамент, тоже квадратный, где-то три на три метра... на котором он и лежал. И все. Ни окон, ни дверей, ни... лампочек? Иван торопливо запрокинул голову. Ну да, никаких лампочек не было. Светился весь потолок. В русских госпиталях он такого никогда не встречал... Старший лейтенант зло ощерился. Значит, плен! Ну ничего – он жив, здоров и в силе. Так что фрицам придется сильно пожалеть о том, что они не надели на русского офицера наручники и не привязали его к кровати. Смерти старший лейтенант не боялся – он умер уже там, в гаштете, когда получил приказ генерала Коротеева одной ротой остановить в сорок раз превосходящие ее силы противника. Наоборот, у него даже какая-то обида появилась. Мол, как же это так, ребята мои все погибли, а я еще жив – несправедливо! Но пока излить эту обиду было совершенно не на кого. Так что оставалось только ждать.

Иван прошелся по комнате, внимательно приглядываясь к окружающему: а ну как получится оторвать откуда-нибудь что-то такое, что можно использовать как оружие? Нет, он и сам был довольно опасным оружием. Служить Иван начал в тридцать восьмом. В Кремлевском полку. А там к подготовке солдат подходили очень серьезно – в программу, кроме рукопашного боя на штыках, а также с использованием ножа и подручных средств в виде гранаты без запала, пехотной лопатки или просто какой-нибудь палки, входило и джиу-джитсу. Кроме того, в полку действовали спортивные секции: бокс, стрельба, лыжи, гимнастика и то же джиу-джитсу. Рядовой Воробьев еще на гражданке был неплохим лыжником, брал призы на районных и даже областных соревнованиях. Ну да семилетка-то, в которую он ходил, была от их деревни в восьми верстах, так что всю зиму каждый день приходилось становиться на лыжи и пробегать это расстояние сначала туда, потом обратно. А поспать-то подольше хочется. И опаздывать никак нельзя. Так и наловчился шустро на лыжах бегать... Да и стрелком Иван был тоже знатным. Их деревенька в самых глухих лесах Рязанщины пряталась, в Мещере. Там редко какой хозяин ружьишка дома не имел. И в их местности сызмальства сыновей к охотничьему делу приучали. А порох, дробь да капсули – покупные, так что за каждый промах пацанам отцы ой больно чубы трепали! После такой учебы Иван нормативы «Ворошиловского стрелка» выполнил на золотой значок, а в армии сразу же вошел в сборную полка по стрельбе и лыжным гонкам. Отставать где бы то ни было Ваня Воробьев не привык. На деревне он считался первым парнем, ну еще бы – высокий, статный, русоволосый, с голубыми глазами (впрочем, вполне себе обычная рязанская внешность), а как на гармони играл! Да и в райкоме комсомола значился в числе главных активистов. Ему даже поручили организовать в разогнанном советской властью Солотчинском монастыре детский дом для беспризорников, и комсомолец Воробьев отлично справился с этой задачей. Ну, почти. Ватага пацанов «оторви-да-брось», буквально с пеленок обитавших на улицах, просто затерроризировала окрестные сады и огороды, но своего молодого директора обожала и слушалась беспрекословно. На субботники, воскресники и иные ударные трудовые вахты выходила дружно и работала с огоньком... Кстати, во многом отличные характеристики от райкома комсомола и рекомендация из райкома партии вкупе со спортивными достижениями как раз и послужили причиной того, что парень из глубинки Рязанской области попал служить в самое сердце страны. В Москву, в Кремль... Так вот, поняв, что несмотря на всю свою силу, ловкость и опыт деревенских драк, в рукопашном бою без оружия красноармеец Воробьев против опытного профессионала стоит дешевле советского пятака, Иван основные усилия сосредоточил на боксе и джиу-джитсу. И к концу службы в этом деле также преуспел. А потом две войны – финская и эта. Марши, мокрые или заледеневшие окопы, атаки, перестрелки, рукопашные, в которых приходилось драться и штыком, и прикладом, и ножом, и пехотной лопаткой, и заводной ручкой от полуторки, и расщепленной доской, и голыми руками тоже... Да не за призы и награды, а за собственную жизнь. Так что старший лейтенант Воробьев в свои двадцать шесть был очень опасным противником для любого...

Ничего подходящего в комнате не нашлось. Первое ощущение от нее оказалось верным – абсолютная пустота. Пол и стены покрыты таким же материалом, как и лежак (ну язык не поворачивался назвать это постелью), – мягким и слегка проминающимся под пальцами; ни отогнуть, ни оторвать хотя бы кусочек старшему лейтенанту не удалось. Создавалось впечатление, что лежак, пол и стены обтянуты одним фрагментом этого материала, вытканым по контурам помещения, потому что ни одного шва ни в одном углу обнаружить также не удалось. И заинтересованный взгляд офицера вознесся к потолку. Светящаяся поверхность, по его разумению, не могла быть ничем иным, как толстым стеклом, за которым как раз и прятались лампочки. А стекло – это хорошо. Осколки стекла, как правило, имеют острые края и вполне могут быть использованы как оружие. Ну или как инструмент, которым удобно, скажем, отрезать кусок этого мягкого покрытия, для того чтобы затем обмотать им часть того же стеклянного осколка, сделав из него некое подобие кинжала. Старший лейтенант легким движением вскочил на лежак, прикинул расстояние до потолка и, чуть присев, мощным толчком выбросил свое тренированное тело вверх, на лету со всей силы ударив по стеклянному потолку кулаком. Ну, попытался ударить... Потому что, вместо того чтобы врезаться набитыми мозолями костяшек в холодную твердость стекла, его рука стремительно пролетела сквозь потолок, как будто там, наверху, ничего не было.

Оттого что расчетная кинематика удара нарушилась, Иван рухнул обратно на ложе очень неуклюже, боком, едва успев сгруппироваться. Впрочем, покрытие ложа оказалось просто удивительным: несмотря на то, что под пальцами оно едва поддавалось, врезавшиеся в него локоть, плечо и коленку приняло очень мягко и этак обволакивающе, так что ушиба старший лейтенант не почувствовал. Он еще около минуты провалился на ложе, приходя в себя от ошеломления, а затем осторожно поднялся на ноги и уставился на потолок.

Иван разглядывал его долго. Да нет, плоскость как плоскость. Конечно, на нем не видно, как на обычном потолке, покрытом побелкой, шероховатостей, подтеков и трещин – еще и поэтому он решил, что потолок стеклянный, – но... ничего совсем уж необычного тоже не заметно. Все в пределах странностей этой комнаты, к которой Иван уже понемногу начал привыкать. Так что это было? Он случайно попал рукой в замаскированный люк? Но почему в потолке отсутствуют какие бы то ни было следы его прикосновения – ни пролома, ни отворившейся створки? Офицер осторожно вытянул руки вверх и слегка подпрыгнул, постаравшись рассчитать прыжок так, чтобы только коснуться поверхности. И расширившимися от изумления глазами увидел, как его руки по запястьям погрузились в потолок.

Иван ошеломленно опустился на ложе. Да что же это творится-то?! Ясно видимый и при этом совершенно неосязаемый потолок пугал. Это было настолько необычно и непривычно, что старший лейтенант даже на мгновение почувствовал, как к горлу подкатил колючий комок. Но затем натренированная годами войны (то есть множеством перенесенных нагрузок, невыносимых для обыденной мирной жизни) психика вновь взяла ситуацию под контроль, и офицер окинул потолок уже заинтересованным взглядом. Проницаемый потолок, говорите? Гм, посмотрим, как этим можно воспользоваться... Иван решительно встал и прикинул высоту. Несколько раз глубоко вдохнул, насыщая кровь кислородом, чуть присел и мощным рывком взметнул тело ввысь.

Рухнув обратно на ложе, снова принявшее его в мягкие объятия, он несколько минут лежал неподвижно. Того, что он увидел, просто не могло быть. Там, наверху, на высоте в несколько человеческих ростов, над его комнатой медленно извивал огромный, толщиной в полдесятка метров кольца гигантский змей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.